

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 16

1982

Борис ПОЛЕВОЙ

С УДОСТОВЕРЕНИЕМ
«ПРАВДЫ»

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Борис ПОЛЕВОЙ

**С УДОСТОВЕРЕНИЕМ
«ПРАВДЫ»**

ИЗ БЛОКНОТА
ВОЕНКОРА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1982

Борис ПОЛЕВОЙ

Борис Николаевич Полевой (1908—1981) свою журналистскую и писательскую деятельность начал в городе Калинин.

В годы Великой Отечественной войны Борис Полевой был военным корреспондентом газеты «Правда». Находясь в Действующей армии, он в своих статьях, очерках, репортажах, дневниках, рассказах день за днем запечатлел суровые будни войны. Его газетные строки становились книгами. Читателям многих поколений известна его «Повесть о настоящем человеке», обошедшая весь мир. Б. Полевой автор романов «На диком берегу», «Глубокий тыл», «Золото», повестей «Доктор Вера», «Анюта»... Около двадцати лет он руководил журналом «Юность». Со страниц «Правды» часто звучало яркое публицистическое слово Б. Полевого, писателя, коммуниста, общественного деятеля, борца за мир.

Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР, Борис Полевой был награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, многими медалями. Предлагаемые военные записки — часть литературно-публицистического наследия писателя.

Юрий ЖУКОВ

НЕИСТОВЫЙ РЕПОРТЕР

«Неистовый репортер» — так называли в давние довоенные времена знаменитого в ту пору прогрессивного чехословацкого журналиста и писателя Эгона Эрвина Киша. Мы, тогдашние молодые литераторы, все учились у него оперативности, четкости в описании увиденных им событий, в беззаветной смелости, с которой он шел, чтобы в любой обстановке любым способом добыть нужный ему материал. И — что скрывать — смертельно завидовали его мастерству. Лучшим поощрением для каждого из нас было услышать от редактора: «Это ты сделал неплохо. Гляди, когда-нибудь и тебя назовут неистовым репортером»...

Увы, далеко не каждому из нас удалось стать таким неистовым репортером. Соединение оперативности в добывании нужного газете материала с высоким умением так рассказать об увиденном, чтобы твой очерк воспринимался как художественное произведение — это весьма редкий творческий дар.

Кто им обладал? Конечно, Лариса Рейснер. Конечно, Михаил Кольцов. Конечно, Михаил Розенфельд, короткая, но яркая биография которого оборвалась страшным летом 1942 года под Харьковом. И, конечно же, Константин Симонов и Борис Полевой.

Увы, — ни одного из этих выдающихся деятелей журналистики и литературы уже нет среди нас. К счастью, остаются навек их книги, на которых будут учиться новые и новые молодые журналисты, мечтающие стать Кольцовыми, Симоновыми. Пожелаем же им осуществления этой мечты!..

Впервые имя Бориса Полевого стало известно в Москве в предвоенные годы, когда Алексей Максимович Горький, зорко следивший за развитием молодой советской литературы, очень тепло, по-отечески приветствовал выход в свет первого романа скромного молодого журналиста из Твери «Горячий цех» и посулил ему большую судьбу в литературе. Но в отличие от многих «периферийных» литераторов, у которых первая же творческая удача незамедлительно, — словно рефлекс, — пробуждает неудержимое желание тут же перебраться в Москву, отряхнув с ног своих прах родного города, Борис Полевой

остался работать в Твери. Он прекрасно понимал, как это важно продолжать работу в газете, жить среди героев своих будущих произведений, жадно накапливать впечатления, запоминать и записывать, записывать и запоминать бесчисленные факты повседневной жизни, — ведь все это потом пригодится, если когда и станешь настоящим писателем.

Война нарушила планы молодого литератора. Она сделала его военным корреспондентом. И вот тут-то и засверкала во всю свою силу его творческая звезда. Присущая ему репортерская страсть на войне проявилась как самое драгоценное свойство.

Военный журналист должен был, обязан был быть подлинно неистовым репортером — уметь в любой, самой трудной обстановке собрать необходимые сведения и умело облечь эти сведения в яркую литературную форму. Затем — это главное! — как можно быстрее написать свой очерк, либо статью, либо заметку для своей газеты и — это еще главнее! — любой ценой вовремя передать сочиненное тобою в редакцию газеты.

Всякий раз, когда я слышу шуточную песенку о военном корреспонденте, сочиненную Константином Симоновым, — «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер материал сумел ты передать», — перед моими глазами предстает молодой, энергичный, неутомимый Борис Полевой. Соревноваться с ним было необычайно трудно — он всегда и везде оказывался первым.

И еще: как бы ни было трудно, как бы его ни валила страшная усталость, он каждый вечер еще раз брался за карандаш, чтобы занести в свой блокнот очередную запись о том, что было пережито в этот день или в эту ночь. Вот почему его романы и повести, написанные уже после войны, столь достоверны и столь захватывающе интересны. Вспомните хотя бы его роман «Золото» или повесть «Доктор Вера».

«Повесть о настоящем человеке» давно уже вошла в классику советской литературы. А родилась она, как известно, в итоге фронтовой встречи с летчиком Маресьевым, долгий разговор с которым Борис Полевой подробнейшим образом изложил в своей фронтовой тетради. Но все ли знают, что сама эта повесть была написана автором в рекордно короткий срок, по ночам, в Нюрнберге, куда Бориса Полевого редакция «Правды» послала освещать вошедший в историю суд над главными немецкими военными преступниками.

Этот «неистовый репортер» ухитрялся в те дни составлять подробнейшие отчеты о ходе этого процесса и записывать по вечерам в дневнике свои впечатления от него, которые много лет спустя легли в основу интереснейшей книги. И вдобавок ко всему этому, сверх всего этого, в то же самое время он сумел создать лучшее свое произведение, которое обрело всемирную славу!

Борис Полевой, как никто другой среди нас, военных корреспондентов, обладал поразительным свойством «вставлять фитили», как выражались мы тогда, всем нам, — то есть опережать нас в передаче своих материалов с фронта. Встречая его то на одном фронте, то на другом, мы, конечно, радовались возможности потолковать с ним, — он был чрезвычайно интересным собеседником, пошутить — он был весельчаком, наконец, поучиться у него — он охотно делился с коллегами своим опытом и давал нам добрые советы. Но в то же время у каждого из нас в душе неизменно возникала горьковатая грустинка: опять он нас опередит — наверняка!

Вспоминается такой случай. 22 августа 1943 года мы с фронтовыми журналистами Леонидом Коробовым и Львом Ющенко возвратились с переднего края в деревушку, расположенную неподалеку от Харькова, — в ней располагался штаб фронта. Харьков уже горел, — мы видели на горизонте высокие клубы черного дыма. Это уходившие отсюда гитлеровцы разожгли пожары. Было ясно: освобождение второго по величине и значению украинского города — дело уже не дней, а часов.

У всех в штабе было приподнятое настроение. Еще один удар — последний! — и Харьков будет освобожден... И вдруг мы встретились с Борисом Полевым. Как всегда, он был приветлив и радушен, шутил, что теперь, когда три мушкетера из «Комсомольской правды» прибыли на этот участок фронта, ему будет трудно победить в соревновании — кто быстрее и лучше всех напишет о завтрашней победе. Мы отшучивались, но, по правде говоря, на душе у нас уже скребли кошки.

Дело в том, что на фронте существовал строгий, раз навсегда установленный порядок передачи корреспонденций в редакции: в первую очередь шли материалы для «Правды», вслед за ними передавались корреспонденции для «Красной звезды», а затем уже статьи для «Известий» и «Комсомольской правды». Вырваться вперед можно было бы лишь в том случае, если бы мы доставили свои материалы раньше всех и провод телеграфа был бы свободен.

Стало быть, надо было действовать как можно быстрее. Мы тут же снялись с места и вернулись на передний край. Ночь провели в какой-то чудом сохранившейся избушке пригородного совхоза, и когда на рассвете поднялась стрельба и солдаты пошли в атаку, мы двинулись вслед за ними. Действовали в чертовски напряженном ритме. Когда-то я работал в Харькове и теперь неплохо ориентировался в нем. Как нам казалось, мы первыми из всех военных корреспондентов были свидетелями торжественных встреч освобожденных горожан с нашими солдатами и офицерами, первыми побывали в разрушенных гитлеровцами цехах Харьковского тракторного завода, на стройке которого мне в 1930 году довелось работать в выездной редакции

газеты «Комсомолец Украины», первыми встретились с действовавшими в городе партизанами, вышедшими теперь из подполья.

Набрав уйму интереснейших материалов, мы во весь дух помчались в штаб фронта, уверенные в том, что теперь-то уж, во всяком случае, мы появимся на военном телеграфе первыми. Увы, — нас ждало разочарование. Девушка-телеграфистка, улыбаясь, сказала нам: «А очерк Бориса Полевого уже в Москве!» Да, он и на этот раз сумел быть первым. Нам не оставалось ничего другого, как сесть у телеграфного аппарата Бодо и с ходу, экспромтом диктовать свою корреспонденцию, опередив хотя бы корреспондентов «Красной звезды», которые еще не успели вернуться из Харькова.

Я до сих пор храню контрольную телеграфную ленту, подаренную нам в утешение телеграфистками. Это память о том, как мы пытались опередить Бориса Полевого и как из этого ничего не вышло. Разумеется, признав свое поражение, мы сохранили с ним самые добрые отношения, которые в дальнейшем переросли в прочную дружбу на долгие десятилетия.

Будучи «неистовым репортером» по своему характеру, Борис Полевой сохранил до конца дней своих теснейшую связь с редакцией «Правды» и не только охотно выполнял ее поручения, но и сам придумывал для себя труднейшие поездки по стране, итогом которых неизменно являлись интереснейшие репортажи. Чего стоила хотя бы его поездка в Братск, которую он предпринял, узнав, что туда направляется бывший посол США в Москве, известный американский деятель Гарриман.

Это был первый визит знаменитого иностранца на стройку крупнейшей в те годы гидростанции на Ангаре. Итогом поездки явился интереснейший очерк Полевого. А его работа в выездной редакции «Правды» на стройке еще более мощной Красноярской гидростанции, которой руководил его друг по тверскому комсомолу Бочкин! Он не чурался никакой черновой работы, а вел он ее в напряженнейшем ритме тридцатых годов, как бы вернувшись в пору своей юности.

И хотя в послевоенные годы Борис Полевой стал знаменитым писателем и общественным деятелем, активно участвовал во всемирном движении сторонников мира, в международных профсоюзных конференциях, в работе обществ дружбы с зарубежными странами, был главным редактором популярнейшего журнала «Юность», председателем Советского фонда мира и занимался многими другими сложными и трудными делами, — он не устал подчеркивать, что остается сотрудником «Правды». И на партийном учете также состоял в «Правде»...

Но вернемся к военной поре, к тем дням, когда Борис Полевой был военным корреспондентом. Его яркие репортажи, которые он присылал с фронта, вызывали в среде читателей огромный резонанс.

Об этом живо напоминает вот это письмо, сохранившееся в архиве редакции «Правды», — оно было получено уже после войны, весной 1946 года:

«К редакции. Прошу напечатать в газете мое стихотворение, написанное и посвященное Б. Н. Полевому. Работая на 2-м Украинском фронте, т. Полевой одним из первых с передовыми частями фронта дошел и форсировал Днепр. Написано оно давно, но о нем никто (в том числе и Б. Полевой) не знает, и только тогда, когда я это стихотворение прочел в числе других офицерам своей части, многие из них настояли послать в «Правду», так как они также были свидетелями многих героических дел ее сотрудников.

Вот мой стих:

ОФИЦЕР-ЖУРНАЛИСТ

Как много написано вами страниц
О жарких боях, о походах,
Но кто же напишет, солдат-журналист,
О ваших тяжелых невзгодах?..
Неведомо многим, что в разных краях,
В цепи атакующей роты
Немало и ваших упало в боях
За улицы наши, высоты.
На выжженных, кровью политых полях,
В атаку бойцов поднимая,
Вы славную смертью гибли в боях,
Навеки других прославляя...

К солдату — поближе! — ваш строгий
закон,

И в облаках дыма и пыли,
Вы грозный, суровый Днепра рубикон
Бок о бок с бойцом проходили.
Как волны бесились! Кипела вода!
Грохоча, тяжелые бомбы рвались,
Казалось, живого не станет следа,
Но мы уж за берег цеплялись!
...Назавтра, чуть только закончили бой,
Читая подмоक्षую «Правду»,
Узнали себя, наш рубеж огневой:
— Мы первые взяли преграду!
Я слушал, шептались бойцы у бугра,
За желтым, изорванным скатом:
«...Ну да, это он, тот, что с нами вчера
Проплыл на плоту с автоматом»...

* * *

С тех пор отгремело немало боев —
Путь славный, хоть трудный, тернистый.
Мы знаем по-прежнему имя твое —
Бойца, офицера, правдиста.

Гв. капитан Иван ЛУНИН.

Полевая почта 77166.

Прошу ответить мне по указанному адресу и сообщить, пройдет ли стихотворение в печать.

24.IV. 46 г.*

Это стихотворение было опубликовано в нашей редакционной многотиражке «Правдист».

Недавно сотруднику редакции «Правды» Анатолию Сафонову, обнаружившему это трогательное письмо в подшивке «Правдиста», пришла в голову счастливая мысль — поискать, нет ли в нашей многотиражке очерков и статей самого Бориса Полевого. Он принялся за дело и обнаружил самый настоящий литературный клад. Будучи активнейшим военным корреспондентом, Полевой не ограничивался составлением материалов для газеты. Всякий раз, возвращаясь с фронта в Москву, он считал своей обязанностью отчитаться о поездке перед коллективом на страницах «Правдиста».

Анатолий Сафонов бережно собрал эти корреспонденции, и вот перед вами эта книжечка, подготовленная им к изданию. Пусть же она послужит венком от правдистов, который мы возлагаем в память об одном из самых верных нашей любимой газете журналистов.

Борис ПОЛЕВОЙ.

ЖУРНАЛИСТЫ В ШИНЕЛЯХ

В «Правду» я прибыл в конце октября 1941 года. Прибыл прямо из окопов, что опоясывали в те дни с севера мой родной город, где в ту пору хозяйничали гитлеровцы. Прибыл после того, как первые трагические месяцы войны провел в частях, отступавших с тяжелыми боями с рубежа на рубеж, от одного населенного пункта к другому.

Снова и снова приходилось мне переживать трагедию отступления. Страшно все это было. Страшно и горько. А тут мерзлый окоп, врубленный в берег реки Тверцы, и именно там, куда мы с женой всего лишь несколько месяцев назад носили «гулять» нашего первенца, обугленные груды окраинной улицы — ничейная земля — и дальше такие знакомые неузнаваемо обезображенные контуры родного города, который горит день и ночь. И вот телеграмма, переданная по военному проводу из Гранита в Аметист: «Первой возможности выезжайте Москву редакцию «Правды» оформляться должности военного корреспондента Редактор Пospelов».

Что там греха таить, добираясь до Москвы на попутном военном грузовичке, неистово почесываясь и грызя кубик концентрата горохового супа, который выдал мне на дорогу нещедрый старшина, я с вожделием мечтал о теплой тишине редакционных коридоров, о просторных кабинетах, о коврах, глушащих шаги, и о душе, где можно будет обстоятельно помыться настоящей горячей водой. Наивный человек! Грузовичок оставил меня в сугробе перед призрачной прямоугольной громадой, погруженной в полнейшую тьму по случаю очередного воздушного налета. В редакции оказалось еще холоднее, чем в машине, и все ее здание, как хорошая гитара, резонировало на близкие и далекие разрывы, вздрагивало и так гудело от боя зениток, что мне, прибывшему с активного фронта, где недавно ценою немалых потерь удалось остановить противника, стало жутковато.

Затемненные коридоры напоминали пещеры. Лишь изредка открывалась дверь, из нее на ковер выплескивался свет, и вот уже кто-то шел навстречу, мигая фонариком. Здание казалось пустым. Да оно, в сущности, и было пусто, ибо жизнь в нем теплилась лишь в нескольких кабинетах, а самую многотиражную в те дни на земле газету делало десять—двенадцать человек, одетых в стеганки, в ватные шаровары, валенки, что отнюдь не было данью времени,

а диктовалось насущной необходимостью, ибо здание отапливалось лишь настолько, чтобы не дать замерзнуть батареям. Но, как я вскоре убедился, в этом огромном, погруженном во мрак здании, где люди в валенках возникали и исчезали в полутьме бесшумно, как привидения, под аккомпанемент боя зениток редакция жизнь днем и ночью была ключом и десять человек, во главе с ответственным редактором Петром Николаевичем Поспеловым, позабыв все грани суток, ежедневно делали для фронта и тыла ту самую «Правду», над созданием которой совсем недавно трудилось сотни две сотрудников.

Меня отвели в маленький кабинетик.

— Пока что притулись здесь. Тут гнездится Миша Сиволобов, но он сейчас у партизан. Устраивайся, только осторожней, он где-то тут гранаты прячет.

И провожавший меня человек извлек из-под постели тройку трофейных гранат-«самоварчиков» и положил их рядом с чернильницей.

Оказалось, где-то в недрах здания, рядом с бомбоубежищем, в котором на всякий случай была оборудована и телефонизирована, так сказать, дубль-редакция, был душ, настоящий душ, из сосков которого бежала настоящая, по-настоящему теплая вода. Никого не было, и, воспользовавшись этим, я принялся стирать белье и так этим увлекся, что не заметил, как из клубов пара возникли два высоких нагих человека. Один из них, светлоглазый, красивый, усмехнувшись, сказал:

— Без мыла не выйдет, не то бельецо. И вообще бросьте это занятие, белье я вам принесу, у меня есть запасная пара, — и, протянув руку, отрекомендовался: — Лидов. — Второй протянул мне мочалку, мыло и также скромно представился: — Калашников.

Так познакомился я с двумя боевыми и самыми в ту пору любимыми военными корреспондентами — Петром Лидовым, разгадавшим тайну московской школы Тани, и фоторепортером Михаилом Калашниковым, человеком чистой души, объектив которого запечатлел для истории бесценнейшие картины великой войны социализма с фашизмом.

А на следующий день мой новый начальник Лазарев вводил меня в кабинет ответственного редактора, в огромную комнату, где было холодно, как в блиндаже на передовой, в котором из-за близости противника нельзя развести огонь. Редактор, невысокий спокойный человек, которому все та же партизанская справа придавала какую-то грузноватую медвежью статью, вышел из-за стола, передал мне только что подписанную красную сафьяновую книжечку-удостоверение, с которой я и сейчас живу, меняя лишь вкладыши, и, точно бы посвящая меня в рыцарское звание, сказал:

— Ну вот, теперь вы — правдист. Поздравляю. Это ко многому обязывает.

Каждое слово вылетало у редактора изо рта комочком пара. Он пожал мне руку.

Может быть, кому-нибудь слова эти покажутся сейчас несколько выпренными, но для меня да, думается, и для всех, кто тогда делал «Правду», они были полны смысла, звучали даже лирически. Да, звание правдист в те дни много значило, и военные корреспонденты честно утверждали снова и снова высоту этого звания в течение четырех нечеловечески трудных и небывало героических лет своей доброй работой, а иногда и жизнью, отданной в бою.

Вот мужественный Петя Лидов, первый правдист, с которым я познакомился, вступая в славное братство военных корреспондентов. Вот круглолицый, румяный, застенчивый, как девушка, Сережа Струнников, робкий человек с тихим голосом, обретавший вдруг храбрость, когда надо было сделать на фронте самый хороший снимок. Вот Миша Калашников, так сказать, король военных фоторепортеров, сраженный с фотоаппаратом в руках во время штурма Севастополя. Недалеко Вадим Кожевников. Кто знал, когда с шутками становился в ряды этой группы, что Вадиму придется выносить из-под огня смертельно раненного Мишу и принять от него последние слова... «Кассеты... кассеты... Кассеты со снимками перешли в редакцию». Как и всегда впереди, с веселыми огоньками в хитрых глазах, даже и здесь с фотоаппаратом снялся Миша Бернштейн, жизнь и смерть которого увековечил потом Костя Симонов в стихах и прозе. Вот Сережа Крушинский, спокойный, иронический человек, умевший шутить и в часы лихих бомбежек. С ним шагали мы по низким Татрам далеко в тылу врага в дни знаменитого Словацкого национального восстания, где я навсегда полюбил этого скромного и мужественного человека. Вот Лазарь Бронтман, славнейший репортер, участвовавший когда-то в первом десанте на Северный полюс и славившийся как ас репортерского дела. Молодыми глазами смотрят они сейчас на меня со старых, пожелтевших фотографий.

Но хотя остальные и постарели, сделались маститыми журналистами, известными людьми, забрались на высокие посты, бывшее военное братство заставляет забывать и седину, и три подбородка, и всяческие должностные приметы. Для меня они навсегда останутся такими, какими они были в те далекие фронтовые дни. И чапаевец Ваня Кирюшкин, снова воевавший на этот раз в тылах врага среди партизан Отечественной войны, и фронтовые неразлучники Вася Куприн и Митя Акулишин, славившиеся своим умением протиснуться в любой самый тесный номер свою записочку, два неустанных труженика войны, которые когда-то со спокойствием и деловитостью экскурсоводов водили меня, новичка на их фронте, по траншеям и окопам Сталинграда, знакомым им, как коридор своей редакции. Вот бурно-пламенный Василий Величко, автор горячих публицистических статей, при передаче которых, как шутили мы когда-то, звенели

военные провода. Вот степенный, меланхоличный Миша Брагин, ухитрявшийся совмещать беспокойную корреспондентскую работу с педантичными исследованиями военного историка.

Сколько воспоминаний связано со всеми этими людьми, этими солдатами пера, из корреспонденций которых страна, весь мир узнавали о ходе единоборства Красной Армии с объединенными силами фашизма! Старые боевые товарищи! Разве забудешь многокилометровые пешие марши с передовой на телеграф с тем, чтобы в последнюю минуту отстукать по телеграфу наспех, тут же на столе дежурного связи написанную корреспонденцию.

Какие они все разные! Но всех их объединяла любовь к «Правде», желание, чтобы родная «Правда» сообщала обо всем вперед всех и лучше всех. Подтянутый и немногословный капитан первого ранга Иван Золин. Тихий, застенчивый Борис Галантер. Мастер газетных «фитилей» Оскар Курганов. Леша Коробов, совершавший с партизанами длиннейшие рейды по тылам врага. Неутомимый Лева Толкунов, всегда неожиданно появлявшийся на горячем фронте с ворохом веселых новостей. Трудолюбивый, неутомимый Петя Синцов, ироничский Ульянов Жуковин и потрясатель миров Мартын Мержанов, умевший смешить товарищей под любой бомбежкой. Где-то, кажется, на Северном Кавказе, когда нам сильно доставалось, он держал с друзьями пари, что обязательно опишет дохлого Гитлера. И действительно, три года спустя он первым из корреспондентов попал в берлинскую рейхсканцелярию, это гитлеровское логовище, и одним из первых опустился в шахту, где за сутки до этого покончил с собою берлинский маньяк.

А вот Павел Кузнецов, перед войной прославившийся тем, что познакомил нас, русских, со славным Джамбулом, переведа с казахского языка его стихи, а в войну открыл для страны много замечательных героев среди своих земляков, воевавших в рядах панфиловской дивизии.

Говоря о правдистах в шинелях, бушлатах и ватниках, делавших свое скромное и, конечно же, героическое дело, нельзя не упомянуть писателей, заезжавших на фронт с корреспондентским билетом «Правды», и прежде всего Александра Фадеева, Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Владимира Ставского. Нельзя не сказать о Николае Тихонове и его великолепных письмах из осажденного Ленинграда, о Елене Кононенко, Вере Инбер, Ольге Берггольц. Нельзя не сказать о поэте-солдате Алексее Суркове, пешком прошагавшем по многим фронтам, чья «Землянка» в те суровые дни потрясала и согривала сердца.

Это не научный труд и не диссертация на соискание степени кандидата каких-нибудь там наук, и я знаю, что те, кого я не упомянул здесь, не обидятся. Все мы тогда были товарищами, все и каждый по мере своих сил отдавали все, что могли, своей газете, и «Правда» была

тогда воистину газетой газет. Ее ждали, ее читали, ей верили и раскрывали сердца для ее призывов.

На фронте «Правда» была великой силой. Помнится, весной 1942 года мне удалось упросить начальство заслать меня в тыл врага, где давно и устойчиво существовала «Малая земля», функционировала почта и даже действовала узкоколейная дорога.

Самолет нес магнитные мины, бывшие тогда новинкой и представлявшие собой заветную мечту партизан. Он должен был нести им и тюк со свежими газетами. Место этого тюка я и занял. Но едва самолет коснулся лыжами талого весеннего снега и запрыгал по болотным кочкам и партизаны с криками «ура» окружили машину, я сразу понял, что тюка с газетами мне не заменить. Уже по дороге комиссар отряда, кстати сказать, мой товарищ по комсомолу, принялся пенять: «Эх, ты, газет не привез! Как же это ты так?»

Когда же до партизан дошло, что вместо газет прилетел невесть зачем какой-то майор, на меня стали смотреть и вовсе неприязненно. И вдруг случайно в своем подумке я обнаружил свежий номер «Правды». Его у меня тут же отобрали и потом до поздней ночи читали вслух у костра, снова и снова повторяя на «бис», особенно заинтересовавшие статьи и очерки для тех, кто возвращался из нарядов и с боевых заданий.

«Правда» была дорога и желанна и на фронте и в тылу. Больше того, она была нужна, как хлеб, как сухари. И вот сейчас, вспоминая о тех днях, я думаю о работе военного корреспондента как о славной поре моей жизни.

ВОЕННЫЕ БУДНИ

Открытый лист

Под Орел мы выезжали внезапно.

Ночью мне позвонили из военного отдела и спросили, готова ли машина. Я сказал, что ее только что загрунтовали и не успели покрасить. Ответ был настоящий газетный: «У Орла «началось», немедленно выезжайте». И вот, изумляя встречных своей полосатой окраской и ядовито-зеленым цветом, моя многострадальная эмочка уже несется по влажному, лоснящемуся от утренней росы шоссе по направлению к Туле.

Самое скверное — это то, что у нас всего четверть бака бензина, и на спусках стрелка бензоуказателя подолгу застревает на роковой крайней точке шкалы. Мы дожигаем последнее горючее, а в кармане не только нет открытого листа, но и ни одного завалящегося талона. Ко всему этому нужно гнать, гнать с возможной скоростью и, во всяком

случае, без остановок. Но Петрович не унывает. У него свой, многожды проверенный способ добывать горючее по пути из Москвы. Только бы дотянуть до Подольска, до первой заправки.

Здесь мы смело подруливаем к бензиновой колонке. Петрович берет свежую, еще пахнущую краской «Правду» из пачки, взятой им утром чуть ли не прямо из ротации. Через мгновение весь персонал бензозаправки, потеряв свой строго официальный вид, жадно склоняется над свежей газетой. И хотя, конечно, правила строго запрещают заправлять машины в дороге без талонов и открытого листа, но разве откажешь человеку, который ранним утром привез свежий номер «Правды»?

В Серпухове повторяется та же история с той только разницей, что здесь для проходящих машин бензину нет вовсе и нас заправляют из неприкосновенного «генеральского» запаса. У Тулы мы обгоняем следующую к фронту танковую колонну, сделавшую остановку в березовом леске. Разгоряченные дневной жарой, густо запыленные лица танкистов, на которых стекающий пот оставляет розовые бороздки, гроздьями свешиваются над газетой. У толстой цистерны бензозаправщика нас заправляют с «царской» щедростью. Петрович заливает «под пробку» и основные и запасные бачки так, что оставшийся путь машина совершает с осторожной медлительностью обвешенного удава.

Остаток газет уже с совершенным бескорыстием раздаем маршевым ротам, которые мы обгоняем, а самый последний экземпляр торжественно вручается регулировщице, открывающей нам путь на командный пункт. Таким образом, свежий, пахнущий краской газетный лист служит нам лучшим видом открытого листа, широко распахивая перед нами сердца, ворота бензозаправок и запретительные шлагбаумы.

По грязи

Кто не был в марте 1944 года на 2-м Украинском фронте и не принимал участия в знаменитом уманском наступлении, тот, как мне думается, не знает по-настоящему, что такое грязь. Грязь жирная, густая, клейкая, как патока, тяжелая, как свинец, грязь, заполняющая улицы и тротуары, разливающаяся огромными озерами на полях, растягивающаяся на много километров вдоль пути нашего наступления.

Как и все рода войск в этом труднейшем наступлении, побросав свой мототранспорт где-то у Смелы, корреспондентский корпус действовал, как спешенная мотопехота. Появился специальный термин — пешкоры, и термин этот служил очень высокой оценкой корреспондентской выносливости, так как пешкорам приходилось

подчас совершать двойные концы — путь с наступающей частью и обратно до телеграфа.

Один раз в разгар наступления, когда грязевой разлив на дорогах достиг своей высшей точки, нам предстояло совершить дневной переход в 45 километров. Решено было выйти на заре. С вечера распихали по карманам небогатое свое имущество, прикрутили телеграфной проволокой отстающие подошвы к совершенно раскисшим и давно уже не высыхающим сапогам и пораньше залегли спать с тем, чтобы подкопить сил. Ночью разбудил стук в окно. Пришел известинец Леонид Кудреватых и с торжественным самодовольством объявил, что нашел в нашем селе двух подводчиков на тачанках из казачьей части, что они завтра выезжают и что вместе с ними мы сможем совершить две трети пути.

С первыми лучами солнца мы были уже у тачанок, запряженных тройками, но тут произошла неприятность. Хозяйка, где ночевали наши подводчики, оказалась очень гостеприимной, и нам пришлось наших возниц чуть ни взваливать на телеги. Место на облучке нашей тачанки занял корреспондент Союзрадио капитан Костин, бывший кавалерист-пограничник. И тачанки понеслись со скоростью, отнюдь не свойственной им по рассказам и песням и едва ли превышающей 5 километров в час.

Вторую половину дороги мы шли пешком, помогая друг другу выбираться из грязи, за ушки вытаскивали из нее слезавшие с ног сапоги. Вот тут-то и познали мы по-настоящему беспримерный труд этого наступления. Грязь хватала нас за ноги своими липкими ладонями, нависала на сапогах пудовыми гирями, делала их более тяжелыми, чем вериги, более тягостными, чем колодки и кандалы. Путь мы считали не десятками километров, даже не километрами, а пролетами между телеграфными столбами. По очереди несли тяжелый рюкзак фоторепортера Петра Бернштейна, набитый аппаратурой и проявителями, а потом тащили размокшие шинели тех, кто совсем выбивался из сил.

— Ну, ну, теперь уже совсем пустяки осталось, не раскисать, не раскисать!

А потом, добравшись до места, не перебинтовав стертые, ноющие ноги, даже не переобувшись, при свете фитилька, опущенного в бачок для проявления негативов, все дружно писали, забыв дорогу, усталость и неудачи: утром самолет уходил на Москву.

Избавление от «прокола»

Сейчас, когда от этого происшествия нас отделяет уже немало времени и оно потеряло свою остроту, могу повиниться в одном невольном своем грехе. Случился он в дни, когда великое наступление

на юге достигло наивысшего развития. Москва вздрагивала от орудийных салютов, а мы, корреспонденты, едва успевали отмечать самые большие вехи наступления.

В эти дни я улетел на Буг, к которому прорвались тогда наши передовые кавалерийские части. Самолет был попутный, возивший офицера связи. Он должен был сейчас же вернуться обратно, а передовые эскадроны вот-вот могли форсировать реку. Надвигалось событие большой исторической важности. Отправив с пилотом корреспонденцию «Здравствуй, Буг!», я решил остаться и дожидаться форсирования реки.

Вот тут-то и началось испытание. В оперативном отделе бригады я узнал днем, что правый фланг нашего фронта, резко рванувшись вперед, неожиданно очутился у Ново-Украинки и Помошой. Это были важнейшие пункты, достойные московского салюта. А может ли быть для военного корреспондента более позорный «прокол», чем прозевать новость? И вот вечером я двинул обратно к телеграфу, проклиная свою опрометчивость.

Я ехал на конях, потом на бензозаправщике, потом на высокой «беседке» какого-то трактора. Потом в санитарной машине с ранеными, потом пешком и только к рассвету добрался до аэродрома, где мандат «Правды» тотчас же помог мне получить самолет. Но тут меня ждал новый удар: вчера вечером Москва уже салютовала в честь освобождения Ново-Украинки. Это был мой первый и совершенно непростительный «прокол». Торопиться к телеграфу уже не было необходимости, я полетел обратно за Буг.

Каково же было мое недоумение и радостное удивление, когда через несколько дней, уже на Днестре, я, развернув «Правду», увидел в ней свою корреспонденцию о взятии Ново-Украинки.

Сначала я не поверил глазам. Но нет, я не ошибался, в газете стояла небольшая, со знанием дела написанная заметка и за моей подписью. Эта необычная помощь меня растрогала и очень смутила. Оказывается, увидев, что отсутствующий товарищ «горит», капитан Костин на свой страх и риск написал за меня эту заметку. Он посоветовался с другими коллегами. Те одобрили. Общими усилиями подправили заметку «под Полевого», а потом до утра сидели на телеграфе, заботясь о том, чтобы «Правда» ее своевременно получила.

Эстафета

Чем дальше уходил наш фронт от исходных позиций, чем быстрее и чаще мелькали освобождаемые села, города, форсированные реки, тем хуже становилось у нас с так называемой проводной связью. Даже телеграфные сообщения из редакции нам привозили поездом, и они

приходили к нам в подлинниках за редакционными печатями, с подлинными подписями начальников...

Надежда была лишь на самолеты, на любезность пилота или фельдъегеря, но надежда непрочная, зыбкая, так как в пути письма наши дважды и даже трижды передавались из рук в руки, прежде чем дойти до редакции. И вдруг однажды утром, когда мы отсыпались от ночного бдения, в комнату влетел запыхавшийся капитан Костин и объявил, что через полчаса с аэродрома улетает «прямой на Москву». Мы мигом засургучили свои творения, наспех оделись, на ходу объявив о приятной новости по телефону всему корреспондентскому корпусу. Наши конверты были переданы пилоту в то время, когда самолет уже выруливал на старт. Тут к нам подбежал совершенно измученный Кудреватых и сообщил, что ему послать нечего, так как все его сочинения лежат на телеграфе, а от телеграфа до аэродрома была добрая верста.

Самолет уже вырулил и был готов сорваться в путь. Тогда, движимые каким-то коллективным вдохновением, мы отправили Леню на телеграф, а сами все, сколько нас ни было, подбежали к машине и стали умолять летчика подождать. Должно быть, у нас в эту минуту лица были действительно жалобные, так как очень тороплившийся пилот посмотрел на часы и дал нам срок 10 минут, ни секунды больше. Десять минут! Это было явно мало. Леня с его больным сердцем и при его комплекции вряд ли успел бы обернуться за этот срок. И тут Костин предлагает бежать ему навстречу, разделить дорогу на маршруты и встать на них с тем, чтобы передавать друг другу пакет, как это делают бегуны во время эстафет.

Оставив одного наиболее речистого коллегу заговаривать летчика зубы, сбросив шинели, шапки, рукавицы — все, что могло мешать бегу, корреспондентский корпус бросился выполнять этот план. Заняли места. Когда из-за церковки появился раскрасневшийся, совершенно обессилевший Кудреватых, Костин рванулся к нему навстречу, схватил пакет и что есть духу — аллюром три креста — понесся с ним по улице штаба, мимо знакомых командиров, мимо обалдевших часовых по направлению к аэродрому. Пакет трижды перешел из рук в руки. Мой отрезок был последним от железной дороги, через аэродром до самолета. Сунув смеющемуся летчику пакет, я сейчас же сел на землю, потому что никогда не был братом Знаменским и мне казалось, что сердце у меня вылезает из воротника гимнастерки. Местные остроумцы, обсуждая этот инцидент, немало потешались потом над моей иноходью. Я же до сих пор убежден, что в этой необычайной эстафете, наверно, поставил какой-нибудь рекорд. Но это, конечно, неважно. Важно, что с этой удобной верной оказией вместе с нашими пакетами ушел и пакет нашего товарища, адресованный в «Известия».

Свежий номер газеты

«Правду» нам доставляли в тот же день под вечер. Однажды — это было в период очень жестокого боя, который второй день шел в предгорьях Карпат, — прилетевший из штаба офицер связи принес свежую «Правду» на наблюдательный пункт дивизии, где в ту пору вместе с комдивом полковником Путейко находился командующий фронтом.

Наблюдательный пункт помещался на лесистом холме, под массивной стеной древнего румынского монастыря, и с нее в багровые кирпичные проломы можно было видеть простым невооруженным глазом картины боя, перебежки цепей, дымки разрывов и танки, походившие отсюда на неповоротливых навозных жуков.

Пока командующий давал какие-то указания, я развернул «Правду». В ней была корреспонденция, освещавшая ход этих боев. Но как только я увлекся созерцанием собственного творения, рванул ветер, газетный лист взвился, выскочил в пролом, пронесся через полянку и застрял где-то внизу на откосе холма, зацепившись за куст цветущей белой акации на самом виду у вражеских пулеметчиков, строчивших из серых скал противоположного ската. Между тем командующему уже доложили, что получен свежий номер «Правды» с материалом о боях. Командующий захотел его поглядеть и, узнав, что газета улетела и находится в зоне вражеского обстрела, сердито покосился на меня.

— Эх, батенька мой...

А газета находилась совсем рядом, трепеща в узорчатых листьях акации. И вдруг на голом кремнистом скате мы заметили какое-то движение. Сначала трудно было даже определить, что там происходит. Сочная, ярко-зеленая трава горного луга почему-то колебалась и шевелилась. Приглядевшись, мы увидели, что под носом у противника кто-то, прикрывшись сверху ветками, ползет к газете. Пули повизгивали над ним, а он все полз и полз. Мы все замерли в своем безопасном убежище у пролома. Человек был уже близок к газете, но для того, чтобы достать ее с акации, он должен был перебежать голую площадку и привстать на ноги. Тогда мы увидели, что из травы поднимается минерский «щуп». Тонкий шест с железным прутом на конце поднялся, покачался в воздухе, прицеливаясь, и вдруг сорвал газету и потянул ее назад в траву, которая опять зашевелилась в обратном направлении. Не знаю, за что приняли исчезнувшую газету горные стрелки, сидевшие в каких-нибудь трехстах метрах. Вероятно, они подумали, что это своеобразный сигнал. Луг задрожал от разрывов мелких мин. Но противник опоздал. В земляной норе, выдолбленной под монастырской стеной, стоял пожилой сапер с обыденным русским солдатским лицом, украшенным усами, отмеченным глубокими морщинами. Стоя на вытяжку, он протягивал

командующему свежую «Правду», уже изорванную и, может быть, даже пробитую.

И командующий тепло посмотрел на солдата, сказал ему «молодец», пожал руку, а потом, пока мяукали и трещали за стеной мелкие мины, читал, широко развернув газетный лист, и давал читать его другим офицерам, смотревшим в газету из-за его спины.

Мы тоже «Правда»

Осенью 1944 года по корреспондентским делам я прилетал в центр Карпат, в курортный городок Бистрице, превратностью военной судьбы превратившийся в столицу словацкого восстания. Этот городок, уютный и чистенький, как комнатка в курортном отеле, жил теперь напряженной и суетливой военной жизнью. С отчаянным треском носились по улицам мотоциклисты-связные, тянулись грузовики с ранеными, толпились крестьяне в живописных национальных костюмах, шли и ехали части повстанцев, отправляющихся на фронт. Но городок жил, как полагается столице. Он вел радиопередачи, пока немцы не разбомбили его радиостанцию, а по вечерам чистенькие желобки его каменных улиц оглашались пронзительным криком маленьких газетчиков. Они продавали целых семь газет, начавших здесь выходить со дня восстания.

Было мало времени и много дела, и я как-то не интересовался этими газетами. Но вот однажды я услышал слово «Правда». Подумал, что ослышался. Нет, босой и горластый паренек бежал, размахивая кипой газет, и выкрикивал именно это слово. Купил газету. Да, называлась она именно «Правдой». Это был орган комитета Словацкой коммунистической партии. На месте я нашел и адрес газеты: ну как же не зайти к коллегам!

Редакция «Правды» помещалась в маленькой и единственной комнатухе, куда было втиснуто два стола, кресло, пишущая машинка и несколько картин и фотографий горных пейзажей. Редактор газеты, одетый в повстанческий комбинезон, худой человек с воспаленными от бессонницы глазами, радушно показал мне на единственное кресло. Он был бесконечно горд принять у себя представителя той далекой, как он выразился, великой «Правды», именем которой словацкие коммунисты назвали свою газету. И с какой неуголимой жадностью выслушивал этот только что вышедший из шестилетнего подполья человек о нашей газете, нашей редакции, наших порядках, о системе и опыте нашей работы, о нашем рабочем дне и наших машинах! Здесь, в повстанческом городке, к которому уже с четырех сторон двигались немецкие части, в часы напряженных боев, в которых решалась судьба восстания и собственная судьба этого

человека, он искренне старался вобрать в себя опыт «великой», как он говорил, газеты...

— Мы ж тоже «Правда», мы должны у вас всему учиться... Я рад, что мы научились у вас связи с массами. Вот, — он бросил на стол толстую папку с письмами, — эти письма мы получили за 20 дней нашего легального существования. В день по 15—16 писем. Мало? Для нас много. Иные газеты не получают ни одного. А у нас во всех частях — люди, которые нам пишут... Это наша гордость... Мы же «Правда»...

Когда прощались, он из-за тесноты опрокинул стоявший на столе вазон с астрами.

— Тесновато у нас, — словно извиняясь, сказал он. — Вы, наверное, не в такой тесноте работаете.

Вспомнив наше огромное здание на улице «Правды», я скрыл невольную улыбку.

— Ну, ничего. Вот победим, дадут нам для редакции хороший дом, увеличим формат, заведем сотрудников... — Этот усталый, невыспавшийся человек мечтал о будущем.

Гордое название

Это было в первые недели после освобождения Будапешта. Закопченные развалины еще преграждали улицы, превращая старинные кварталы нагорной Буды в гигантскую каменоломню. Иногда воздух вздрагивал — это рвались мины замедленного действия, заложенные противником при отступлении.

Но венгерский народ, с которого были сбиты цепи фашистского режима, уже расправлял плечи, столица начинала жить бурной политической жизнью, выходили десятки газет, все стены были заклеены плакатами и призывами... Самой оживленной частью города стала площадь перед зданием национальной партийной организации. Политуправление фронта открыло большую фотовыставку «Окно в Советский Союз». Посетить эту выставку оказалось столько желающих, что в первый день дело не обошлось без комендантских патрулей. И все же толпа ухитрилась подмять в дверях двух неудачников.

Вот на этой-то выставке, у стенда, посвященного большевистской печати, Бела Иллеш и познакомил меня со знаменитым венгерским ученым, лауреатом Нобелевской премии Сенджоржи. Этот маститый старец, открывший миру живительные свойства витамина С, жадно рассматривал фотографии и все спрашивал, спрашивал, не удовлетворяясь пояснениями, которые ему давали. Потом он поднял на нас свои ясные, по-детски озорные глаза и сказал:

— Вы знаете, господин Бела, и вы, господин подполковник, я достаточно поездил по свету и не очень впечатлителен по натуре, но вот теперь, смотря на эти фотографии, я никак не могу отделаться от мысли, что смотрю в будущее человечества.— Потом он снова приблизил лицо к стенду печати, в центре которого находился снимок здания «Правды».

— Вы здесь работаете?— спросил он меня через Белу Иллеша.— А скажите, что означает название вашей газеты, как переводится слово «Правда»?

Бела перевел. В близоруких глазах ученого отразилось удивление:

— Так просто?..— Он задумался.— А ведь в этом названии глубочайший смысл.— Постоял перед стендом, вновь с интересом посмотрел на снимок нашего здания и потом заговорил быстро-быстро.

— Он говорит, что еще не вполне понял советскую государственную систему, но убежден, что только в Советской стране все подчинено заботам о благе народа,— начал переводить Бела.— Он говорит, что только Советское правительство говорит народу правду и советуется с ним по важнейшим вопросам, он говорит, что только при советской системе самая влиятельная и популярная газета может носить название «Правда».

Мы продолжали осматривать выставку. И через час старый ученый без всякого повода вдруг неожиданно спросил меня:

— А для настоящего журналиста, наверное, большое счастье работать в газете с таким гордым названием?

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

За Дмитривом не пускают

Тоже ноябрь.

Тоже холодный, промозглый ветер, гуляющий по просторам московских улиц. Тоже тяжелый и липкий снег, кроющийся всех и вся пухлой белой кристаллической пеленой.

Но Москва осени 1941-го была иная, необычная, такая, какой я ее не видел никогда. Неожиданно из снежного мрака возникают беспорядочные вороха огромных баррикад, пересекающих улицы. В переулках притушенные фары машин выхватывают из тьмы амбразуры импровизированных дотов. Липы на Ленинградском шоссе опутаны колючей проволокой. Озябший часовой в раскисшем от липкого снега полушубке спрашивает пропуск и долго ощупывает документы при свете вспыхивающих и тотчас же гаснущих спичек.

Я не был в Москве с начала войны и еду из окопов из-под Калинина. Но кажется, что с передовой попал на передовую. А тут еще воздушный налет. Нашу полуторку, набитую фронтowymi грузами

и фронтовыми людьми, гонят куда-то в переулок. Лежа в кузове на ящике из-под мин, наблюдаю отражение налета немецких бомбардировщиков, буйство прожекторных огней, фехтующих в небе, беспокойные вспышки разрывов, слушаю рев, бухание, хлопанье зениток всех калибров и леденящий душу визг падающей бомбы, тупой удар и плеск разбитых стекол.

Да, это не просто передовая, это передовая в момент наступления противника.

Вместе с налетом кончился и снег. Показались звезды. Кубические очертания правдистской громады вырисовываются на них черной глыбой. Здание кажется мертвым. Это впечатление усиливается, когда слышишь, как бухает отзвук твоих шагов в морозном воздухе пустого и темного вестибюля. И опять плывут тоскливые звуки воздушной тревоги.

Но в окошке диспетчерской теплится огонек. Показываю в окошко телеграфный вызов, подписанный ответственным секретарем Ильичевым. Прошу, если можно, провести прямо к редактору. Приходится кричать, так как кругом опять завязалась густая зенитная кутерьма. Девушка звонит в бомбоубежище. Редактора там не оказывается. Он наверху. Приглашает подняться к нему в кабинет. На холодной и темной, как старая шахта, лестничной клетке возникает Лева Толкунов. Ведет наверх. Стрельба такая, что ступеньки дрожат под ногами. Петр Николаевич Поспелов сидит в кабинете за столом у затененной газетой лампочки над ворохом гранок и свежей полосой.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, что там, как там у вас под Калинином?

Слова вырываются струйками пара. Рассказываю под аккомпанемент зениток, рев которых то удаляется, то приближается, и тогда Петр Николаевич, чтобы лучше слушать, перегибается через стол, приставив к уху согнутую раковинной ладонь.

Рев зениток становится невыносимым. Бухают они уже где-то на крыше. стакан с остывшим чаем подпрыгивает на столе.

У стола торчит немецкая винтовка. На телефонном столике несколько гранат — «самоварчиков». Он только что вернулся от московских партизан, и это его трофеи. Хожу из кабинета в кабинет. Здесь люди живут, кушают, работают, спят. Впрочем, спят меньше всего. Никому не спалось в эти дни, и, когда сделан номер, все спускаются вниз, в подвал. Здесь крутили какие-то иностранные фильмы. Под неаполитанскими звездами поют о любви великолепные тенора. Живописные мошенники крадут девушку из хорошего дома, сажают ее в самолет, самолет бежит по полю, но его догоняет ватага ковбоев. Их выстрелы сливаются с грохотом зенитной канонады. Давид Заславский, тоже в традиционном партизанском ватнике, невозмутимо острит по поводу звуковых эффектов, несущихся сверху с улицы:

— Искусство и жизнь!

Приезжают военкоры. Привозят новости. Новости невеселые. Лидов рассказывает, что, по данным разведки, гитлеровцы устанавливают где-то под Москвой дальнобойные орудия, чтобы бить по Москве. Калашников сдал снимки: танки готовятся к атаке. Танки сняты на фоне подмосковных дач. Струнников поразил всех снимком — немец-разведчик лежит посреди снежной равнины. Он сделал его где-то уже у самой Москвы. На основе военкоровских рассказов на карту заносится передвижение линии фронта. Она изогнулась струной, и струна эта почти касается Москвы. Но «Правда» выходит регулярно. Полосы ее мощным голосом зовут отстоять Москву, отбросить врага от московских ворот. Голос этот могуч и уверен. Это голос партии.

Наконец, мои документы оформлены. Морозным утром с шофером Петровичем выезжаю из Москвы. Ехать нужно уже в объезд через Дмитров. Под Москвой строят новые и новые баррикады. Шоссе минируют в шахматном порядке. У Истры — гром пушек, знакомый свист снарядов, тугие взметы мерзлой земли. Комья земли барабанил по крыше машины, но после московских канонад это кажется не страшным. Когда снаряд разрывается недалеко и машину встряхивает, мы с Петровичем испытующе смотрим друг на друга. Первый советский боевой выезд. Кажется, остаемся друг другом довольны. Это важно. Ведь мы оба правдисты, и кто знает, сколько месяцев или лет нам придется вместе ездить по фронтовым дорогам.

За Дмитровом не пускают: враг рядом, проезд закрыт. Требуют свернуть на Рыбинск и давать трехсоткилометровый крюк. Пробуем уговаривать часовых — не удается. Никакие резоны не принимаются во внимание. Где-то впереди только что снарядом разнесло грузовик. Но Петрович нашелся. Он дал строгим часовым несколько свежих номеров «Правды». Улыбаются, благодарят, суровые сердца смягчились:

— Ну уж, поезжайте... Только смотрите, ухо остро! Вон за той водокачкой проскакивайте на полном ходу. Счастливого пути.

И тут же развертывают этот свежий, пахнущий краской номер, жадно просматривают его на холоде, на пронзительном ноябрьском ветру.

Сколько уж времени прошло с тех пор, сколько произошло в жизни больших и малых событий, сколько фронтовых пространств исхожено, изезжено, облетано с правдистским удостоверением и блокнотом в планшете. Но никогда и никакие впечатления в жизни не смогут стереть и заслонить момент приобщения к «Правде», и навсегда она останется в памяти такой, какой она была в те тяжелые дни, когда свежий, пахнущий типографской краской номер «Правды» открыл нам путь по дороге, где ездить было уже строжайше запрещено.

Сильнее усталости

Глубокой ночью мне довелось приехать в одну из частей, боевую, активную, которая почти пять суток подряд вела напряженный бой, отстаивая важный рубеж на берегу Волги. Была полночь, и среди развалин дома вповалку, в странных позах спали люди, сломленные тяжелой усталостью. Они отсыпались сразу за пять бессонных боевых ночей, и, казалось, не было силы, которая могла бы их поднять.

У одной из более сохранившихся изб часовой окликнул меня:

— Кто идет?

— Корреспондент «Правды».

Пока часовой проверял документы и полномочия, с места, которое было когда-то полом хаты, поднялась голова, послышалась возня, и зажженная спичка осветила широкое лицо бойца с пышными украинскими усами. Он протянул спичку ко мне:

— Вы корреспондент «Правды»? Не будет ли у вас свежего номерка?

Получив вчерашний номер, он сел на пол, порывлся в вещевом мешке, выудил оттуда немецкий аккумуляторный фонарь, засветил его и принялся читать газету. К нему присоединился сосед:

— Петро, читай вслух.

Скоро вокруг фонаря образовался тесный кружок. Люди поднимались, потягивались так, что хрустели кости, присоединялись к кружку и застывали. «Правду» слушали все. Бойцы не спали пять суток, но они пять суток и не читали «Правды». «Правда» оказалась сильнее смертельной усталости и дорогого сладкого сна после боя.

Случай маленький, но характерный. Без ложной скромности можно сказать, что «Правда» — самая любимая газета на фронте.

Еще один маленький, курьезный, но очень трогательный пример. 16 декабря 1941 года, когда город Калинин снова стал советским, на военном телеграфе образовался завал. Все корреспонденты ринулись к проводу, забросав телеграфистов статьями, очерками, зарисовками, беседами. Сюда же попал и мой материал о взятии Калинина. Я был очень огорчен, ибо завал был так велик, что не было никакой надежды на то, что материал попадет в номер. Какова же была радость, когда буквально через полчаса с телеграфа пришло известие о том, что материал доставлен и вручен адресату! Возле дежурного связи — пожилого капитана — развertyвалась тяжелая сцена: корреспонденты дружественных изданий всячески упрекали его за то, что он «по блату» продвинул материал «Правды». Капитан слушал, слушал и ответил:

— Правильно, все газеты одинаковы. Но вот приходит целая пачка газет, все сразу читать нельзя, какую из них читаешь вперед? Да, конечно, «Правду». Стало быть, мы никаких нарушений и не допустили, продвинув правдинский материал вперед.

Неприкосновенный запас

Однажды летом 1942 года, в дни напряженных боев за Ржев, я ждал нашего военного почтара с особым нетерпением: должен был прийти номер «Правды» с моим материалом. И вот почтаре постучал в наше окошко, но газет у него не было.

— Не пришли?

— Да нет. Получили утром. Но разрывать не велено. Их упаковали и посылают куда-то.

— Куда посылают, почему?

— Не знаю, говорят, член Военного совета распорядился... Только 5 номеров «Правды» хозяевам разнес. Остальные упаковали. Говорят, неприкосновенный запас...

Я немедленно принялся расследовать это странное дело, и вот что я узнал. На фронте ожидалось знаменательное событие. Крупная воинская часть, находившаяся более двух месяцев в тесном окружении, должна была вырваться из вражеского кольца. Два месяца часть эта провела в напряженных и непрерывных боях. Лес, в котором она оборонялась от обрушившихся на нее атак, простреливался с четырех сторон простым и минометным огнем. Снабжалась она с воздуха и снабжалась скудно, так как блокировавшие ее гитлеровцы стерегли и воздух.

Люди голодали, болели, но, считая каждый патрон, каждый снаряд, отбивали атаки и продолжали обороняться. И вот утром они должны были попытаться вырваться. К месту прорыва были подведены крупные артиллерийские части. Своим огнем они должны были разрубить окружающее кольцо. И туда, куда должны были выйти эти измученные, изголодавшиеся, обносившиеся воины, по распоряжению члена Военного совета корпусного комиссара Леонова были заблаговременно подвезены горы одежды, большие запасы всяческого продовольствия, свезены десятки кухонь. Туда же корпусной комиссар приказал привезти тюки с газетой «Правда» за последние дни... Вот для чего создавался этот самый «неприкосновенный запас».

Выход этой части из окружения, пожалуй, — один из самых волнующих эпизодов, какие мне довелось наблюдать в дни войны. Около полудня бушевал мощный артиллерийский вихрь, разбивая немецкое кольцо. Пушки еще погромыхивали, когда где-то вдали послышался крик «ура!». Он был сначала еле слышен, так как заглушался частой стрельбой, потом звучал яснее и яснее, и вот из соснового леса, что находился за широким полем, где полчаса тому назад были немцы, показались первые пробившиеся роты. Они бежали с криком «ура!», прыгая через еще теплые воронки. Они несли с собой раненых, тянули пулеметы, сами, заменив артиллерийскую упряжку, тащили руками пушки...

Вид у них был страшен. Все они шатались от голода, и многие из них, попав к своим, на эту поляну, затянутую дымком походных кухонь, пропахшую запахами баранины и жареного лука, бессильно садились и начинали плакать... Не обращая внимания на одежду, комплектами которой их обносили, не отвечая врачам и санитарам, искавшим среди вышедших больных и раненых, они склонились над котелками с жирными щами, обжигаясь, ели картошку с мясом. Уже дымили цигарки, и смертельно усталые люди начали засыпать тут же, на траве, возле пустых котелков... Казалось, нет силы, которая сможет поднять их с земли, пока все они всласть не выспятся.

Но вот кто-то крикнул:

— Ребята, газеты! — И поляна сразу ожила. Поднимались с земли отяжелевшие головы, раскрывались усталые веки. Около двух девушек с полевой почты, стоявших с номерами «Правды», сейчас же образовалась очередь. Над поляной, на которой за минуту до этого был слышен только стук ложек да храп сломленных сном людей, поднялись белые паруса газет. И кто-то уже читал вслух. И вокруг чтецов сбивались уже кружки слушателей. И я понял, как глубоко был прав корпусной комиссар Леонов, создав к этому дню «неприкосновенный запас» газет. Он знал душу советского солдата.

КОЛЛЕГИ

С фотокорреспондентом Яковом Рюмкиным однажды довелось побывать в командировке в Ленинграде. После длинного, очень яркого и содержательного дня, проведенного среди замечательных новаторов одного из интереснейших предприятий, сидели мы с ним в роскошном номере гостиницы «Астория» и, утопая в мягкой трясине кожаных кресел, препротивными, вероятно, голосами напевали солдатскую песенку с припевом «Давай закурим, товарищ, по одной...». За окном стояла серая, неуютная ленинградская ночь, в огромные стекла скребся сухой снег, в номере было тепло, и, как всегда это бывает с фронтовиками, мысль перекинулась к давно уже пережитому, и вдруг вспомнилось, что грубоватая и дружески теплая песенка эта когда-то согревала нам души в каменных норах великого непоколебимого Сталинграда в острые, жгучие ноябрьские дни.

Исчезал комфорт первоклассной гостиницы, мерк блеск кожи, бронзы и хрусталя, казалось, мы сидели в каменной норе, где воздух досия прокурен так, что пламя коптилок меркло, задыхаясь, сидели над жестяными кружками со спиртом и под аккомпанемент непрерывной вражеской канонады и свист холодного ветра охрипшими голосами выкрикивали песню-мечту о том, что скоро ринемся отсюда, с Волги, на Днепр и Днестр в неудержимом наступательном походе, что добьемся победы и будет такой день, когда в родном кругу

будем вспоминать эти нечеловечески тяжелые дни, где каждый прожитый и провоеванный час был счастливым выигрышем.

...Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать...

Мы сидели и вспоминали Сталинград, трудные бои на Курской дуге, вспоминали о том, как вместе на отчаянном «кукурузнике» летали вокруг охваченной советскими войсками Корсунь-Шевченковской группировки с тем, чтобы побывать у памятника Шевченко, вспоминали, как над не вполне еще освобожденной Уманью гонялся за нами вражеский «мессер», как устремлялись за Прут на первые километры вражеской земли, на которую вступили советские воины, как с разных концов одновременно вступали в Берлин и как фотографировались у рейхстага объединенными силами военных корреспондентов трех сопряженных фронтов.

Как это всегда бывает в компании людей повоевавших, мы вспоминали о друзьях-товарищах, с которыми летали в рискованные рейсы, толкали плечом «эмки» по калининским топям, набивали «волчки» в кавалерийских седлах, месили украинскую грязюку, ездили в грузовиках путем «открытого голосования» на перекрестках, шагали пешком с солдатским «сидором» за плечами, и все для того, чтобы «Правда» первой узнала и напечатала самые последние фронтовые новости.

В памяти, как живые и близкие, вставали образы наших товарищей, отдавших самое лучшее, что имели они, — жизнь за правое дело своей Родины: Михаил Калашников, Петр Лидов, Сергей Струнников, Евгений Петров, Владимир Ставский, Григорий Гринев, Иван Ерохин, Мендель Спивак, Николай Воробей...

«От нашего военного корреспондента»... Как дорога каждому из нас эта рубрика! Каждый, кто печатался под ней, хотя ты с ним, может быть, и вовсе незнаком, кажется больше чем просто товарищ по работе. И мы стали вспоминать друзей-товарищей, печатавшихся под этой рубрикой, тех, с кем нам в дни войны приходилось вместе нести военные тяготы, делиться последней банкой пайкового судака, последней канистрой бензина, работать, мечтать о победе и мире.

Эта беседа о мирной судьбе наших военных коллег напомнила любопытные, теперь уже полузабытые случаи.

...Когда-то, несясь во весь опор из Харькова, на южной окраине которого еще шли бои, мы с Рюмкиным увидели стоящую в стороне от шоссе «эмочку», обшарпанную, запыленную, грустно прихрамывающую на спущенное колесо. Сеял мелкий дождь. По дороге на полной скорости неслись машины с пехотой, танки, самоходки. Они ехали торопливо и осторожно, соблюдая боевые дистанции, так как над шоссе все время барражировали вражеские штурмовики. Рядом с прихрамывшей «эмочкой» на обломке срезанного снарядом телеграфного столба сидел человек в нескладной шинели и что-то

старательно отстукивал на машинке, стоявшей на столике из трех бензиновых банок.

Узнав коллегу, мы согласно фронтовому закону, круто тормознув, остановились у этой машины и спросили — не нужна ли помощь? Пишущий оторвался от клавишей и поднял свое лицо, плотно покрытое маской серой пыли.

— Чепуха, просто прокол, — сказал он, блестя, как негр, белыми зубами. Но, подумав, протянул пачку листочков и с корректностью для фронтовой дороги прямо-таки невероятной прибавил: — Вот если бы вы были так любезны и отвезли на телеграф начало моей корреспонденции, я был бы вам крайне признателен...

Отдав листки и больше не интересуясь ни нами, ни бесконечным потоком мчавшихся во весь опор фронтовых машин, ни «мессерами», которые рыскали над дорогами, он продолжал печатать. Это был Юрий Жуков. В тот момент, когда мы с Рюмкиным вспоминали о нем в Ленинграде, его не знающая устали пишущая машинка стучала уже в Париже, рассказывая советским людям о мирной, но не менее жестокой борьбе между демократией и реакцией, свидетелем которой является сейчас этот зоркий, неутомимый человек, чья работоспособность всегда служила предметом зависти у корреспондентов всех восьми фронтов того времени...

...Метельный день на Калининском фронте. Плевок мерзнет на лету. Острый язык, глубоко вклинившийся в глубь немецких позиций. Где-то у самой западной точки этого языка, в зоне, над которой с тихим курлыканьем пролетают и наши и немецкие тяжелые снаряды, в берегу безымянной речки выдолблена землянка. Маленькая железная печь, накалившаяся до вишневого цвета и вся гудящая от напряжения, не в силах побороть промозглого холода. На раскладном столе, на маленьких аккуратных листах что-то строчит человек в полушубке, строчит старательно, отрываясь только для того, чтобы подуть в коченеющие ладони, погреть под мышками руки, покусать кончик карандаша.

Потом, дописав, он аккуратно отодвигает в сторону стопку листов и поднимает на вас свои глаза, на первый взгляд кажущиеся бесцветными, но на поверку очень зоркие и даже, черт возьми, плутуватые.

Вот теперь вы можете спросить этого человека обо всем, что происходит здесь, на этом остром языке, занимаемом знаменитой панфиловской дивизией. И человек этот как-то сразу оживает от вашего вопроса, загорается, точно молодеет, и с жаром рассказывает вам о всем самом интересном, что произошло в этой дивизии, начиная от самой Москвы, о бойцах и командирах, об их биографиях, об их подвигах, даже об их привычках. Это редактор дивизионной газеты панфиловцев Павел Кузнецов.

В час, когда мы беседовали о нем в Ленинграде, этот неутомимый газетный скиталец где-то на Украине заканчивал серию ярких очерков о трудовых подвигах людей социалистической деревни, о героизме и пафосе мирного строительства. Он писал эти очерки с той же искренней бесхитростностью, с той подкупающей правдивостью, с какой, будучи военным корреспондентом «Правды», писал о делах и днях бойцов своего фронта.

...Где-то за Вислой наши части захватили крошечный кусочек земли в несколько сот метров и, зацепившись за него, держатся со стойкостью истых советских воинов, день и ночь обстреливаемые с земли и с воздуха. Пищу и боеприпасы им подвозят ночью на рыбацких лодках и резиновых понтонных шлюпках. Но все мы понимаем, как дороги для победы эти первые завислянские болотные метры, захваченные возле старого городка Сандомира. Это желудь, из которого потом вырастет роскошный дуб победы в Верхней, Средней и Нижней Силезии. И все мы — военные журналисты — горим мечтой побывать на этом дьявольском пятачке, чтобы получить право написать первую корреспонденцию с места, откуда, возможно, будет начат прыжок в Германию. И вот в туманный день мы, спрятав за дамбы свои вездеходики и заворотив полы шинелей, бежим по заросшей тальником пойме к реке. В этот туманный день знакомый офицер обещал перебросить нас на пятачок на понтонной лодке.

У берега залезаем в земляные щели и, стоя по колено в воде, ждем, когда подойдет с того берега резиновая лодка. Она уже темным пятном вырисовывается в затянувшем реку тумане. Слышен плеск весел. Но в этот момент на переправу пикируют воздушные хищники. Мелкие бомбы с воем летят вниз. Стеклообразные обелиски, пробив туман, взвиваются над рекой. И все мы волнуемся — доплывет лодка или нет, и каждый, осторожно выглядывая из своей щели, мысленно торопит гребцов: скорее, скорее, скорее! Лодка доплыла. Несколько военных выскочили на берег, бегут к укрытиям. В нашу щель спрыгивает высокий синеглазый майор. Он тяжело дышит. Вся гимнастерка, руки, лицо — в глине. Над карманом лучится Золотая Звезда.

— Ух, и жара ж там, ребята, — говорит он, показывая на тот берег. — Но чертовски интересно. Дерутся как львы, эх, что там львы, как настоящие советские солдаты дерутся. Кругом все истыкано снарядами и почему-то много ромашек. Ромашки и кровь — белое и красное — цвет польского флага, как сказала мне там одна полька.

Этот майор — Сергей Борзенко. Он опередил всех нас и первым из журналистов побывал за Вислой.

...И еще мне вспомнились одни зимние фронтовые сутки. Просторная капитальная землянка, только что отбитая у противника. Она, как сказочный терем-теремок, набита разным военным людом. Я вповалку с другими лежу на самом кончике верхних нар. Лежать

приходится боком, так как места мало. Внизу люди сидят на полу у стен, толпятся в дверях. По ходу подходят все новые и новые, загоняемые под землю лютым январским холодом и непрерывным обстрелом.

Землянка передо мной как на ладони. В дальнем углу виден поставленный на попа ящик из-под мин, на ящике коптят две картонные плошки. Стопка бумаги. Высокий седой человек с молодым лицом и озорными глазами, согнувшись в три погибели, что-то быстро пишет размашистым почерком в блокноте, пишет, с маху отрывает листки и прячет их в карман. Он весь увлечен этим делом и, кажется, не замечает ни тесноты, ни шума, ни даже толпящихся возле людей. Я засыпаю и просыпаюсь. Люди в землянке переменялись, а высокий человек с серебряной головой все еще пишет, вырывает листки, прячет их в карман, бормочет, жестикулирует.

В это время откуда-то снаружи слышатся торопливые шаги, крик «воздух!», потом пронзительный свист и новый крик «ложись!». Глухой гром сотрясает землянку до основания. Человек на миг оторвался от бумаги, смотрит кругом удивленными, ничего не понимающими глазами. Досадливо морщится и принимается писать. И снова гром, теперь уже страшный, оглушительный. С потолка сплывают куски глины. Слышатся вопросы: куда ранило? Тяжелый стон. Человек в углу поднялся было с места, но сейчас же уселся снова и продолжает писать. Черные от тяжелого зимнего загара бойцы, толпящиеся вокруг, смотрят на него с удивлением и хорошим солдатским уважением. Это Александр Александрович Фадеев писал корреспонденцию в «Правду» о городе Великие Луки, где тогда бушевал бой...

...Долго перебирали мы с Яшей Рюмкиным имена тех, кто печатался под рубрикой «От военного корреспондента «Правды».

Фронтovou закалку, «военную косточку» можно узнать по стилю работы, хотя давно уже никто не пишет под рубрикой «От нашего военного...». Да, есть о чем поразмыслить, когда вот так, в тихий морозный вечер, «о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах где-нибудь, когда-нибудь мы будем вспоминать».

ДВА ЗАДАНИЯ

Мне хочется рассказать о двух наиболее запомнившихся заданиях «Правды», выполненных мною в дни Великой Отечественной войны.

Первое из них относится к ноябрю 1941 года. Я только что получил удостоверение специального военного корреспондента, потрепанную «эмку», наскоро выкрашенную в правдистском гараже в какой-то невероятно ядовито-зеленый цвет, кучу добрых напутствий от начальника военного отдела полковника И. Г. Лазарева и новых

редакционных друзей и прибыл на Калининский фронт. Прибыл с естественным для начинающего правдиста желанием сейчас же, немедленно показать себя на работе.

В душе я еще оставался провинциалом, и красненькая книжечка — мандат «Правды», хранившаяся в кармане гимнастерки, казалось, все время излучала тепло.

Не дав себе труда переодеться в военное, я с решительностью неопытности заявил о желании выехать на самый горячий участок только что организованного фронта. В оперативном отделе к этому отнеслись иронически. Но красная книжечка правдиста действовала, и поэтому мне хотя и не особенно охотно, все же сказали, что самый интересный участок — это отрезок Ленинградского шоссе под Калинином у так называемого Горбатого моста — виадука, переброшенного через полотно Октябрьской железной дороги. Сказали, что там единственная находящаяся в составе фронта танковая бригада в неравном бою отбивает атаки мощной вражеской бронетанковой группировки, ставящей целью овладеть Ленинградским шоссе.

— А где найти командный пункт бригады? — спросил я.

— Вчера он был здесь, — усмехаясь, сказал офицер, подчеркивая слово «вчера». — Вот тут, в церкви, на погосте Никола-Малица. — И он карандашом отметил эту церковь на моей новенькой карте.

Потом мне сказали, что связи с командным пунктом бригады нет с утра, что попасть туда и с севера, и с запада, и с юга, а может быть, и с востока трудно. Предупредили, что последняя обходная дорога, связывавшая штаб с Большой землей, возможно, захлопнута. Сказано было: до восстановления проводной связи туда попасть и думать нечего.

Но красная книжечка, лежавшая в кармане гимнастерки, обязывала. Я решил, что именно здесь получу материал, достойный «Правды». Мы направились вдвоем: я и корреспондент Совинформбюро Александр Евнович, военный стаж которого был на несколько дней больше моего.

В картах я разбирался тогда плохо, но места были с детства знакомые, много раз исхоженные в поисках грибов и ягод. Это дало нам, двум простофилям, возможность обойти дороги, на которых уже сидели немецкие танковые засады, и по руслу узенькой речушки Межурки незаметно добраться до штаба, находившегося фактически в окружении.

Началось с того, что часовой, неожиданно возникший из-за завьюженных кустов, скомандовал:

— Ложись!

Команда была подана на русском языке, и мы, покорно ткнувшись носом в снег, стали ждать прихода караульного начальника. Небритый сержант в танкистском шлеме, наведя на нас автомат,

разрешил подняться, принял пароль, дал отзыв, просмотрел документы.

— Нам в хозяйство Ротмистрова,— сказал я.

— Пошли!

Караульный начальник указал глазами на вытопанную в снегу узенькую стезю. В церкви царил промозглый полутьма. Угол был пробит снарядом, на полу лежал снег. Старинные своды гудели от грома близких разрывов. В боковых притворах стонали раненые, которых некуда было выносить. Люди спали у стен, прямо на полу, в изломанных позах, в каких их валила усталость. В углу под разбитой иконой охрипшим голосом выкрикивал позывные радист. За золотым кружевом уцелевших «царских врат» виднелось несколько фигур в закопченных полушубках, склонившихся над картой, лежащей на полу. Нас подвели к невысокому круглолицему человеку, у которого в петлицах можно было разглядеть три шпалы. Он рассеянно козырнул моему спутнику, экипированному по форме, потом недоверчиво окинул мой, действительно в тех условиях вызывавший подозрения костюм: штатское пальто с шалевым воротником, лыжную каскетку, болотные сапоги.

Человек с тремя шпалами долго вертел в руках новенькое удостоверение, рассматривал печать, сверял фотографию с подлинником. Наконец, убедившись, что, несмотря на нелепость нашего появления, мы те самые, за кого себя выдаем, отрекомендовался:

— Старший батальонный комиссар Штатов.

И тут же спросил, какой черт нас сюда занес.

— Я хочу взять интервью у командира бригады полковника Ротмистрова,— сказал я как можно увереннее, как и подобает правдисту.

— Интервью? — иронически сказал комиссар. — А оружие при вас есть? Нет? Ну, знаете ли... немедленно получить оружие. Немцы же рядом. Связи с армией нет!

Потом, сидя в темном углу церкви и от нечего делать протирая части стареньких винтовок, мы с нашим новым другом молча наблюдали, как командир бригады полковник П. А. Ротмистров, невысокий ростом, неширокий в плечах человек с серым от усталости, но чисто выбритым лицом, с коротко постриженными усами, в очках, напоминавший скорее ученого, чем военного, выслушивал рапорты, резким тенорком отдавал отрывистые приказы, кого-то распекал по телефону, кого-то переспрашивал. Он делал все это спокойно, неторопливо, как будто бы сидел где-то в кабинете, а не в алтаре сотрясаемой разрывами церквушки. Он был так занят, что мы долго не решались к нему подойти.

Наконец выдалась свободная минута. Мы двинулись к командиру. Он сидел у стола один, наклонившись, будто близоруко изучая карту. Приблизившись, мы увидели: полковник спит. Под ногой хрупнул снег. Он сразу поднял красные от усталости глаза...

— Обстановку? Зачем вам рассказывать обстановку? Выходите за дверь и увидите. И к чему все это? Отсюда не только корреспонденции послать, но и выйти нельзя. Впрочем, если угодно, записывайте!

Он положил на руки клонившуюся от усталости голову, поднял брови, чтобы не дать закрыться слипавшимся глазам, и стал диктовать тихим голосом, с трудом выговаривая каждое слово:

— Третьи сутки веду тяжелый танковый бой на рубеже село Медное — Горбатый мост. Противник — авангардная танковая группа генерала Горта в составе шестидесяти средних и легких машин — рвется по шоссе в направлении города Торжка. Его предполагаемая цель: разорвать связь между нашим и Северо-Западным фронтом. Моя цель — срезать вражеский клин на шоссе, разгромить врага. Мои наличные силы... впрочем, это не пишите. Это не для печати. — Он снизил голос. — У меня всего девять танков. По ночам гоняю по шоссе тракторы... Понятно? Мое решение? Сражаться до конца. Все!

Через мгновение Ротмистров уже спал, положив голову на стол, прямо на карту, а еще спустя мгновение сухой, подтянутый, спокойным голосом уже снова распекал какого-то командира, оставившего несколько домов на окраине деревни, и приказывал ему отбить эти дома.

Три дня провели мы в старой церквушке, отрезанные от штаба фронта, от редакции, слушая гром бушевавшего вокруг боя. Он то удалялся, то приближался настолько, что с потолка начинала сыпаться штукатурка. Дважды немцы пробивались к самой церкви, и штабники, собрав оружие и гранаты, занимали оборону среди могильных камней. Тем временем девять последних танков, находившихся под командой полковника Ротмистрова, ловко маневрируя по шоссе, постепенно разгромили шестьдесят неприятельских. Генерал Горт со своей группой был разбит. Он отполз за Волгу, преследуемый перешедшей в наступление пехотой. Неприятельский клин, нацеленный на стык фронтов, был подрезан под самое основание. Я послал тогда с фронта первую корреспонденцию, которая так и была озаглавлена: «Крушение генерала Горта». Эта корреспонденция не была напечатана, так как в то время на Калининском фронте готовился переход к большому наступлению, и нам, газетчикам, не следовало, естественно, привлекать к этому фронту внимание неприятельских штабов.

Вторая корреспонденция для «Правды» писалась уже в иных условиях. Потом были и третья, и десятая, и двадцатая...

Теперь, много лет спустя, литератору, путешествуящему по западным странам, частенько задают вопрос:

— Какое из ваших произведений вам больше всего нравится? Каким вы особенно гордитесь?

— Нравится — это одно, а вот когда меня спрашивают, каким из моих произведений я наиболее горжусь, я называю не романы, не повести, а обычную военную корреспонденцию, напечатанную в «Правде» в мае 1945 года под простым, незатейливым заглавием «Освобождение Праги». Этот репортаж не блещет особыми литературными достоинствами. Он, может быть, даже рыхловат и сух. И тем не менее я по-настоящему горжусь этим моим последним военным репортажем.

Для этого есть свои основания.

В те дни в Москве, по всей советской земле, на всех зарубежных фронтах, где воевали советские воины, уже отгремели салюты победы. Земля, которую несколько лет уродовали разрывы снарядов, в первую ночь забылась в крепком весеннем сне, покоренная наступившей наконец тишиной. Прошел и тот шумный час, когда в парке баронского замка недалеко от Эльбы, где размещался первый эшелон штаба 1-го Украинского фронта, беспорядочно гремели выстрелы. По торжественному случаю обоймы личного оружия были опустошены. Все стихло и, как могло показаться, тоже спало.

Однако под брезентовым шатром еще по-военному затемненной военной рации остро попискивали сигналы морзянки. Усталый радист судорожно прижимал руками наушники. Он был взволнован.

— Опять шпарят открытым текстом, — шептали его губы, а карандаш, судорожно бегая по бумаге, записывал то, что он слышал.

Мы смотрели через плечо радиста на быстро рождавшиеся строчки и узнавали, что из тьмы ночи взволнованный голос, обращаясь к советским солдатам и офицерам, к командованию Советской Армии, зовет на помощь: «Мы истекаем кровью, наши силы слабеют с каждым часом. Помогите!»

Это звала повстанческая рация, работавшая где-то там, в Праге, население которой, как мы уже знали, восстало против немецких оккупантов и храбро сражалось на баррикадах в разных концах города. Когда рация замолчала, радист сорвал наушники и, требовательно глядя на офицера оперативного отдела, стоявшего у него за спиной, спросил:

— Неужели не удастся им помочь?

Прихмутив брови, полковник смотрел на карту, исчерченную синими и красными знаками. Он ничего не говорил, но чувствовалось, что этот опытный штабист, которого мы привыкли видеть неизменно спокойным даже в самых острых ситуациях, волнуется.

А ситуация была такова. После подписания капитуляции сильная группировка фашистских войск, состоявшая из свежих, отлично оснащенных и вооруженных эсэсовских моторизованных дивизий, находившихся в Саксонии, не сложила оружия и, прикрывшись сильными арьергардами, начала быстрый отход через горные хребты из Германии в Чехословакию по направлению к Праге. Командующий этой группой, видимо, был намерен пробиться в столицу Чехословакии и соединиться там с нацистским гарнизоном. Расчет был прост: русские пожалеют прекрасный город, и, прикрываясь сокровищами его древней архитектуры, можно будет отсидеться. А в самой Праге шли бои. Рабочие, служащие, люди интеллигентных профессий, сильные лишь своим свободолюбивым духом, захватили в городе ряд ключевых позиций и храбро бились против хорошо вооруженного врага. Голос их раций и разносился сейчас в ночи, призывая на помощь.

Этот призыв уже нашел отклик. По приказу ставки Верховного главнокомандующего танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко, сражавшиеся в Германии, развернулись фронтом на юг, ринулись в новое наступление, чтобы настичь части неприятеля на горных дорогах, вклиниться в них, пробить бреши и, оставив непокорные вражеские дивизии в тылу, форсированным маршем продолжать путь на Прагу.

Много удивительного, не описанного и даже не предусмотренного военной наукой, довелось совершить Красной Армии в войне, которая только что окончилась. Но подобных маршей, ночью, по узким, неразведанным горным дорогам, каждый поворот которых мог быть легко превращен опытным и отчаянным противником в укрепленный район, даже таким полководцам, как Рыбалко и Лелюшенко, совершать не доводилось. И вот теперь, лежа на траве перед оперативной картой, мой старый друг полковник с надеждой смотрел на красные ромбики, которые, согласно последним радиодонесениям, уже довольно глубоко вонзились в серую штриховку гор.

— Если это удастся, будет чудо! — сказал он. — Не мистическое, разумеется, а чудо военного искусства. — И, повернувшись ко мне, добавил: — Вот что вам стоит описать!

Описать! Дать последний репортаж о последней славной битве этой уже для всех окончившейся войны. Рассказать о небывалом прыжке советских танкистов через высокие горы. У меня просто дух захватило от такой мысли, и почти всю ночь я бродил от одного штабиста к другому, выпрашивая самолет. Старые боевые товарищи смеялись — зачем, война кончилась, лучше выпьем за победу — и тащили к столу. Только командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев сумел понять до конца корреспондентскую душу. Он покачал седеющей головой, поворчал, но тут же один из лучших

летчиков связной эскадрильи, получив приказ о максимальной осторожности, предусмотрительности и прочем таком, чего в военных условиях соблюдать никогда не удавалось, был откомандирован для полета в Прагу. По расчету штаба, туда к утру должна была подойти танковая разведка одной из армий, наступавших по разным маршрутам.

Ночь еще лишь начинала сдавать дела утру, когда маленький стрекзоподобный самолет оторвался от аэродрома, серого от росы. Он набрал максимальную для себя высоту и по прямой, которую еще на земле штурман эскадрильи начертил на карте, взял курс на Прагу. Вершины лохматых, поросших лесом гор уже золотели под нами, когда на серых жилах дорог стали видны первые машины, двигавшиеся в том же направлении. Кто это? Наши или враги? Суэта, возникавшая при приближении самолета, ответила на этот вопрос: враги. Но по нам никто не стрелял.

Колонны продолжали движение. Они становились все гуще, и дороги напоминали сверху муравьиные тропы, по которым цепочками бежали насекомые.

Летчик сбросил высоту. Теперь можно было различить цвет мундиров отступающих: серые — мотопехотинцев, пестрые маскировочные халаты — альпийских стрелков. Неприятель! А где же наши? Когда горы стали мельчать, переходить в холмы, в равнину, дороги опустели. Где же наши?

Почувствовав полную безопасность, летчик перешел на бредущий, и на асфальте мы увидели рубцы, оставленные шпорами танковых гусениц. Но машин нигде не было, а ведь гусеницы неприятеля оставляли такие же следы. Так мы летели уже третий час, и когда солнце поднялось выше, вдали обозначились стрельчатые шпили башен большого города. Летчик взволнованно обернулся, и по шевелению его губ я понял — он говорит: «Прага!»

По карте мы знали, что аэродром находится далеко в стороне. Нам оставалось найти площадку поближе или опуститься в самом городе. И вот она уже плывет под нами, красавица Прага, которую мы узнали издали, ибо чудесная чешская литература еще до войны сумела привить нам любовь к этому удивительному городу. Сразу же можно было понять, что здесь еще идут бои. У реки то и дело красновато поблескивали орудийные выстрелы.

Пишу летчику: «Ищи посадку». Он кивает головой. Машина скользит чуть не по самым крышам, осторожно обходя места, где видны огни боя. От реки к ней потянулось несколько легких дымовых трасс. В стороне будто бы раскрылись хлопковые коробочки, выпустив сгустки белого дыма... А у окраины мы увидели танки, быстро двигавшиеся по улицам к предместьям. Чьи? Да наши, наши же, конечно! Вон как их приветствуют чехи, как доверчиво люди бегут им

навстречу! «Садись же», — снова пишу летчику. Он кивает головой в сторону какого-то стадиона, что за рекой. Неужели он хочет сесть на стадионе? Разве кто-нибудь когда-нибудь сажал самолет на футбольное поле? Скверный холодок заползает в душу. Ведь война уже кончилась. Но думать об этом поздно, летчик убрал газ. Стало тихо. Машина, косо планируя, идет на посадку. Зеленое поле прыгает ей навстречу. Колеса уже бегут по траве, слава богу, и в эту минуту — трах! Ничего особенного не произошло, просто винт в последнее мгновение уперся в ограждающий барьер и сломался в щепки.

Но думать об этом не приходится. Множество людей бежит через стадион — мужчины в обычной одежде и без оружия, женщины, дети. Здесь, в районе Страгова стадиона, мы оказались первыми людьми в форме Красной Армии. И все чувства, которые накопили пражане, слушая по радио сводки о подвигах Красной Армии, все надежды, которые они возлагали на нее, посылая призывы о помощи, все нетерпение, с которым они ждали эту помощь, — все эти чувства излились на нас, на двух офицеров, в буквальном смысле свалившихся с неба. Рукопожатия, объятия, поцелуи, крики, слезы...

Мне и раньше в дни войны доводилось встречаться с гражданами этой чудесной страны. Я видел подвиг чехословацкого корпуса на Дукельском перевале, где в часы героической кровопролитной битвы советские солдаты еще раз убедились в храбрости и беззаветном патриотизме своих соратников — чехословацких воинов. Долгие трудные недели провел я среди повстанцев Словакии, наблюдая героическое разворачивание восстания и его трагический конец. Но тут, в Праге, в то майское утро, пахнущее молодыми листьями распускающихся каштанов и гарью пожара, перед нами, советскими людьми, как бы открылась сама душа старого и вечно юного города — прекрасная, жизнерадостная, переживающая первые часы обретаемой свободы. И все тепло, скопившееся в этой душе, она теперь обратила к советским воинам, пробившимся через горы для спасения Праги, и даже вот на нас, простых и, в сущности, случайно оказавшихся здесь советских людей.

— Ать жие Руда Армада!.. Ать жие Советски Сваз! — гремело отовсюду.

Наши танки, мохнатые от пыли, уже вошли в город. Над ними поднималось студенистое марево, подобное тому, какое стоит над полями в погожий вешний день. Лица бойцов от пыли казались замшелыми. Лишь глаза да зубы белели на них. Но девушки, одетые в светлые национальные костюмы, бесстрашно целовали бойцов. Ребятишки смело карабкались на еще теплую броню машин. Помните, один тяжелый танк, отстав от колонны, застрел на Вацлавской площади. Его стальные бока хранили вмятины и шрамы многих битв, но и на эту выдавшую виды огромную машину люди

изливали свою нежность. Гусеницы танка украсили ветками сирени. Кто-то ухитрился надеть венок из цветов на ствол грозной пушки. Женщины кормили бойцов пирогами и другой домашней снедью, покрыв броню салфеткой. Худенький, почтенного вида старичок, у которого карманы оказались набитыми хрустальными стаканчиками, наливал из большой бутылки домашнюю сливовицу и угощал экипаж. Дюжий механик, отводя огромной рукой соблазнительный стаканчик, басил:

— Та не можу, не можу ж я, папаша! Спасибо. Данке. Мерси. Понимаешь? А я не можу, потому при службе.

На Старомястской площади дымились развалины древней ратуши, подожженной оккупантами в бессильном и злобном бешенстве. Вереница апостолов, уже несколько столетий совершавшая свой путь по циферблату старинных часов, остановилась. Мстительная злоба фашистов уничтожила и уникальные часы. Нам сказали, что штаб восстания находится в подвале под сохранившимся крылом ратуши. Но там никого не было. Только россыпи пистолетных гильз да обрывки окровавленных бинтов на полу говорили о том, что и здесь было горячо.

Мне еще предстояло рассказать читателям «Правды» о ликующей, празднующей освобождение Праге. Как быть? Тогда один из чешских прожогатых повел летчика и меня к зданию Пражского радио. В подвале под этим зданием, оказывается, и было место, откуда повстанцы открытым текстом посылали призывы о помощи. Усталые, небритые, едва державшиеся на ногах люди проверили наши документы, прослушали наши разъяснения, посоветовались, и потом один из них, хромой человек с автоматом, оказавшийся сыном известного русского писателя-эмигранта, подошел к аппаратам и вошел в контакт с фронтовой рацией.

— Передавайте,— сказал он и почему-то добавил: — И да поможет вам бог!..

В руках не было и клочка бумаги. За все путешествие по Праге я ни разу не вынул из кармана карандаша. Но впечатлений было столько, и это были такие впечатления, что я единым духом ухитрился продиктовать репортаж обо всем том великом, необычайном, радостном, свидетелем чего я стал в освобожденной Праге. Я говорил в пустой комнате, не очень веря, что где-то все это будет принято, записано, доставлено в редакцию. Но в тот день, когда советские танкисты совершили чудо спасения Праги, все казалось возможным. И действительно, корреспонденция была записана, доставлена в редакцию «Правды» и опубликована.

Так появился мой последний репортаж с фронтов Великой Отечественной войны, репортаж, которым я горжусь не меньше, чем любой из своих книг.

САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ РЕПОРТАЖ

Когда коллеги дома или за границей спрашивают меня, какое самое интересное редакционное задание привелось мне выполнить в дни войны как фронтовому корреспонденту, без колебаний называю совсем небольшой, торопливо написанный репортаж. Он был помещен в газете, когда война уже догорала и последние яростные бои шли уже в центре Берлина. В те дни редакция поручила мне написать к предпраздничному номеру корреспонденцию об этих боях в центре города.

Поехал, потом пешком по ходам сообщения, проложенным и пробитым через развалины, добрался до одной из берлинских передовых, где происходил бой с эсэсовским батальоном, окопавшимся возле дамбы городской железной дороги. Здесь наше наступление было задержано. Шла яростная борьба. Пристреляна была каждая точка, а между позицией проходила ничейная полоса — широкая улица с двумя аллеями старых буков и посередине ее — массивный, еще кайзеровской постройки, уличный туалет, кирпичный и уже разрушенный. Возле груды кирпичей лежало тело белокурой женщины, сраженной пулей, а рядом — живой ребенок, девочка лет 3—4-х со светлыми кудряшками. Плача, она ползала вокруг мертвой матери.

Не знаю уж, по каким акустическим законам, но в редкие мгновения, когда почти сплошная канонада в городе прерывалась, становился отчетливо слышен этот удивленный и жалобный детский плач.

В минуту, когда я добрался до передовой этой траншеи, вокруг кирпичного бруствера, устроенного в развалинах разрушенного дома, кучились солдаты. Слушали, вытянув шеи по направлению к звукам плача.

— Опять плачет.

— Заплачешь... Мать-то вон мертвая лежит.

— Вытянуть бы ее, а как вытянешь? Вон разведчик каску на прикладе над бруствером поднял — три пробоины, все у них тут пристреляно...

И тут я увидел почти невероятное — высокая фигура солдата прыжком перемахнула через кирпичный бруствер и на локтях поползла по асфальту. Захлопали выстрелы, заверещали пули, рикошетируя об асфальт, но солдат все полз и полз по направлению к девочке, дополз, потом поднял ее, залег с ней под прикрытием развалин, начал покачивать на руках. Выстрелы прекратились. Та и другая передовая замолчали. Солдат пополз назад. Теперь уж он не мог пластаться: ребенок мешал ему двигаться на локтях. И подстрелить его было не так уж трудно. Но не стреляли. И только когда он стал перелезать через кирпичный бруствер, неся девочку к своим,

раздался один-единственный выстрел — снайперский выстрел. Солдат все же нашел в себе силы перевалиться через бруствер, подал девочку в протянутые к нему руки, и слышно было, как он через силу сказал:

— Возьмите девочку, а я, кажись, уж готов.

А кругом уже снова все трещало, гудело. Возобновилась стрельба. Снова начался бой.

Через час я и передал по телеграфу короткий репортаж об этом происшествии на берлинской передовой, озаглавив его «Передовая на Эйзенштрассе». В корреспонденции были только название части, имя и фамилия солдата. Репортаж на следующий день опубликовали, но еще раньше слух об этом необычном подвиге разошелся по корреспондентскому корпусу, и мой друг правдист Мартын Мержанов уговорил меня более подробно заняться этим случаем. Вместе мы пошли по следу эвакуированного солдата, и след этот привел нас в здание гимназии в районе Шпандау, где был развернут полевой госпиталь. Там нам сообщили: да, тяжело раненный Лукьянович здесь, но он в очень плохом состоянии. Беседовать с ним долго нельзя. На разговор нам ответили пять минут.

Что сделаешь за пять минут? Удалось получить самые короткие сведения: Лукьянович... Трифон Андреевич... Старший сержант. Житель Минска... До войны работал на радиозаводе слесарем... В Красную Армию ушел в первые дни войны... Сражался в Сталинграде. Там был ранен и получил свой первый орден Красной Звезды. При форсировании Вислы на Сандомирском плацдарме, отличился и награжден орденом Славы. Недавно получил еще орден Красного Знамени. Вот и все, что нам удалось узнать об этом человеке. На вопрос о семейном положении тихо ответил уже синеющими губами:

— Нет у меня семьи.

— И не было?

— Была. Жена была, две дочки. Теща, старуха, с нами жила в Минске. Их всех вместе с нашим домиком в первые дни войны фашист бомбой накрыл.

Женщина-врач, торопившая нас кончать беседу, знаками показала: пять минут истекло.

— Может быть, что-нибудь передать от вас, если кто-нибудь из нас попадет в Минск?

— Случится в моем городе побывать, передайте рабочим радиозавода: мол, Тришка Лукьянович приказал долго жить,— и он устало закрыл глаза, а через несколько часов умер.

Вот все, что нам тогда удалось узнать о его судьбе.

Маленький репортаж, напечатанный тогда в газете, заинтересовал общественность. Скульптор Евгений Викторович Вучетич, обдумывая свой знаменитый теперь мемориал, долго выпрашивал у нас

с Мержановым, каким он был, Трифон Лукьянович: рост? стать? черты лица? К сожалению, мы могли подсказать ему немного. Но жизнь, как известно, очень талантливый соавтор для работников всех родов искусства. Оказалось, что в армии одного из героев Сталинградской битвы — В. И. Чуйкова произошел такой же случай и боец одного из полков этой армии Николай Масолов тоже спас немецкого ребенка уже в час штурма рейхстага. Командарм сказал об этом Вучетичу. Скульптор отыскал Масолова, познакомился с ним.

Я — свидетель подвига Лукьяновича, чувствуя себя в неоплатном долгу перед этим человеком, всякий раз, попадая в Берлин, пытался найти место, где произошло это столь волновавшее меня событие. Искал в Берлине восточном, искал в Берлине западном. Но оказывается, что улицы под названием Эйзенштрассе ни там, ни тут нет.

Но вот один популярный немецкий журнал стал выпусками печатать книгу моих записок «До Берлина — 896 километров». В одной из глав рассказывалось о том, что я видел когда-то на берлинской передовой. И тут же в редакцию пошла почта. Пожилые немцы, помнящие этот случай, писали, что он произошел не на Эйзенштрассе, как написано, а на Эльзенштрассе, и один вежливый читатель, учитель-пенсционер, высказывал даже предположение, что ошибка произошла, вероятно, из-за того, что на табличке пульей была отбита вершина буквы I и I превратилась в i. Так найдено было место подвига. И по решению Берлинского магистрата там был установлен скромный мемориал с медной доской, на которой высечено: «Трифон Лукьянович, старший сержант Советской Армии, спас на этом месте 25 апреля 1945 года немецкого ребенка от пуль СС. 5 дней спустя после этого героического поступка он умер в госпитале от тяжелых ранений. Вечная честь и слава его памяти!»

С тех пор у скромного этого мемориала не вянут букеты цветов. Туристские автобусы, следующие в Трептов-парк, останавливаются возле. Солдаты из советских гарнизонов, стоящих в Берлине, в Октябрьскую годовщину и 1 Мая отдают долг почтения Трифону Лукьяновичу. Я был свидетелем, как делегация советских ветеранов войны, прибывших на тридцатилетие республики во главе с маршалом В. И. Чуйковым, возлагала у скромного памятника цветы.

Жизнь продолжает эпопею советского солдата, совершившего свой необыкновенный подвиг. Народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка посвятил ему стихотворение, а народный художник Заир Азгур, плененный этой темой, работает над мемориалом, который мечтает установить в Минске, на проспекте имени Ленина, у здания, где Лукьянович работал до войны. В цехах минских предприятий есть бригады имени Лукьяновича, а редкое в общем-то имя Трифон матери дают своим малышам.

Да, ничто не забывается.

Анатолий САФОНОВ

С УДОСТОВЕРЕНИЕМ «ПРАВДЫ»

Велико и весомо творческое наследие Бориса Полевого. И сегодня, когда его нет среди нас, думаешь, как многое успел сделать этот жизнерадостный, вездесущий писатель и журналист, для которого творчество было главным делом всей жизни. До конца дней своих он оставался специальным корреспондентом «Правды», которую любил преданной сыновней любовью, отдавая ей свой щедрый талант. Правдисты помнят его выступления на партийных собраниях редакции, перед молодыми журналистами. Он охотно делился своими впечатлениями от увиденного и в устных беседах, и на страницах редакционной газеты «Правдист».

В годы Великой Отечественной войны Б. Н. Полевой был военным корреспондентом «Правды». С первых дней войны и до дня Победы он находился в действующей армии. Его яркие публицистические статьи, очерки, репортажи, рассказы запечатлели суровую реальность войны, раскрывали истоки героизма наших солдат, командиров, политработников, тружеников тыла, вселяли веру в победу над фашизмом. Читателям всего мира известна его «Повесть о настоящем человеке». Для миллионов людей герои этой повести стали замечательным примером беззаветной стойкости, мужества и идейной убежденности.

Вся молодость Бориса Полевого прошла на войне. В это время он рос и мужал как писатель и журналист. В ноябре 1941 года Б. Полевой был назначен военным корреспондентом газеты «Правда». Памятным стало первое редакционное задание. Получив удостоверение «Правды», он прибыл на только что организованный Калининский фронт. Хорошо знакомой была ему тверская земля: до прихода в «Правду» он работал в калининской молодежной газете «Смена», затем в областной газете «Пролетарская правда».

Три дня, полных напряжения и впечатлений, проведенных в войсках полковника, а впоследствии главного маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова, стали первым его боевым крещением, первым шагом, сделанным в качестве военного корреспондента «Правды».

Три дня — а дальше была вся война. Вплоть до присутствия на церемонии подписания акта о капитуляции фашистской Германии.

Это и про него тоже написал Константин Симонов строки, ставшие сегодня общеизвестными, а в то время говорившие так много только тем, кто мог сказать о себе:

С «лейкой» и блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь жару и стужу мы прошли...

«А то и с пулеметом» — это точно про Бориса Полевого. Вот что писал он в своем репортаже «Бомбы идут вниз», опубликованном в «Правде» 6 января 1942 года:

«...Я ложусь к хвостовому пулемету, плотно сжимаю ручки. В крестике прицела стремительно несется дорога. Вот показался еще уцелевший конец немецкой автоколонны. Жму на гашетку. Пулемет вздрагивает и ревет. Серые нити трассирующих пуль стремительно пронзают пространство и тянутся к сгрудившимся машинам. Грузовики стоят так густо, что промахнуться невозможно. Жму гашетку еще и еще, пуская короткие очереди. Только теперь прекрасно понимаешь высокое волнение снайпера, стреляющего по врагу, — волнение, о котором столько раз приходилось слышать...» Под этими строчками подпись — от специального военного корреспондента «Правды» и место событий — действующая армия.

За подписью Б. Полевого в «Правде» печатались оперативные сообщения с боевых, решающих участков фронта, сообщения о мужестве и героизме. Читатели старшего поколения помнят его корреспонденцию «Подвиг Матвея Кузьмина» — о том, как 80-летний великолукский колхозник Матвей Кузьмин повторил подвиг Ивана Сусанина. Дед Матвей, знавший все лесные тропы, вывел батальон фашистских лыжников на засаду советских воинов, и на снегу остались более 250 фашистских трупов. После публикации материалов Б. Полевого пригласил к себе главный редактор «Правды» Петр Николаевич Поспелов. Состоялся памятный разговор-напутствие:

— Я и вам и всем военным корреспондентам советую: записывайте, самым подробным образом записывайте все выдающиеся события, свидетелями которых вы становитесь. Записывайте имена, адреса, даты. Сейчас это, может быть, даже и не пригодится, но потом, после войны, приобретет огромную ценность. Это ваш долг, если хотите, ваша обязанность, как коммуниста. Вот Матвей Кузьмин, о котором вы написали эту заметку, — о нем, может быть, песни петь будут, его именем, может быть, улицы назовут.

Так оно и стало. В двадцатилетие Победы старому русскому крестьянину посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, его именем названа улица в городе Великие Луки.

«Для меня же, — писал Б. Полевой, — этот разговор стал одним из добрых уроков, полученных в «Правде». С тех пор я стал вести что-то вроде дневников. Когда было время, вел записи в хронологическом порядке. Но чаще времени не было. Делал беглые зарисовки для памяти, записывал сценки, разговоры, выдающиеся случаи героизма и отваги. Писать дневники вошло в привычку, и к концу войны скопилось уже несколько тетрадей, из которых и вышли реальные герои моих книг».

Старые номера «Правдиста» военных лет сохранили первые дневниковые записи журналиста. Вот выдержки из написанного Полевым газетного «подвала» для нашей многотиражки, — он был назван «Петрович».

«Военный корреспондент, которому довелось за свою работу проехать немало тысяч километров по неприветливым и суровым дорогам войны, отлично знает, какую роль в его скитальческой жизни и нелегкой работе играет шофер. Это не только водитель его машины и постоянный спутник — это настоящий боевой друг, от которого зависит порой не только оперативность, но часто, и очень часто, сама жизнь военного корреспондента.

Таким моим боевым другом, в полном и лучшем смысле этого слова, вот уже почти в течение 30 месяцев моей корреспондентской работы (зарисовка о водителе была опубликована в «Правдисте» 8 марта 1944 года. — А. С.) является Петр Петрович Савельев, или Петрович, как единодушно величает его журналистский мир на четырех фронтах, где нам с ним приходилось работать. Скажу без преувеличений, что от него по меньшей мере наполовину зависят моя оперативность и в значительной степени качество корреспонденций. Фактор времени, пожалуй, самый решающий фактор в работе военного журналиста.

Петрович — отличный знаток машины, постоянный шеф и консультант всего корреспондентского гаража на фронте, неистовый и довольно умелый фотограф, снабжающий фронтовые и армейские газеты снимками, хороший повар — мастер походных обедов; он умеет чудесно поладить с хозяйками на постоях, растопить самые жестокие сердца деятелей АХО.

На войне трудно строить планы и гадать о будущем. Не знаю, сколько месяцев протранствуем мы с Петровичем еще по военным дорогам и откуда — из Бухареста или из-под Берлина — вернется наша обшарпанная, но живучая «эмочка» из последнего рейса в родной правдинский гараж, но я уверен, что солдатская дружба, связавшая нас с Петровичем на фронтовых дорогах, не пройдет и после того, как мы оба наденем галстуки и пиджаки».

Через несколько номеров в «Правдисте» была опубликована статья Елены Кононенко «У военных корреспондентов». По заданию

редакции она побывала на 2-м Украинском фронте и встречалась там с Борисом Полевым.

Приведем отрывки из этих воспоминаний, которые, как нам кажется, заинтересуют сегодняшних читателей.

«До сих пор я знала военных корреспондентов только по их статьям, о которых мы всяко говорим на летучках, и по мимолетным встречам в редакции. И вот встреча на переднем крае, избушка, где жили военные корреспонденты.

Полевой явился с задания ночью. Он ввалился в избу смертельно усталый (это было видно по его бледному лицу, по движениям), но бодрый, шумный.

— Вот и дома! — сказал он весело. — Ох, и засну же я, три ночи не спал. Горячо было...

И, не раздеваясь, он принялся оживленно рассказывать об опасной поездке. От него так и дышало какими-то огромными внутренними силами жизни, задором, чувствовалось, что этот человек работает с увлечением, с жаром души. Глаза его лихорадочно блестели, он энергично жестикулировал. Вместе с тем его почти шатало от усталости.

— Вот ерунда, — сказал он, — ведь так хотел спать, а заснуть не могу. И так всегда после поездки. Однако заставляю себя заснуть. Утром раненько я сяду смолить...

«Смолить» — это на их корреспондентском языке — писать».

О том, как работал Борис Полевой военным корреспондентом «Правды», рассказывают и документы военных лет.

Вот постановление редколлегии «Правды», датированное 28 июня 1942 года.

«Признать работу тов. Полевого, как военного корреспондента, вполне удовлетворительной. Редколлегия особо отмечает, что тов. Полевой наряду с собственными очерками и статьями своевременно, полно и хорошо информирующими о боевых операциях, сумел организовать ряд отличных статей актива — командиров и политработников фронта.

Редакция отмечает, что тов. Полевой в своей работе опирается на широкий актив — непосредственных участников Отечественной войны, своевременно информирующих его о происходящих событиях на том или ином участке фронта».

21 июня 1944 года состоялось общее собрание партийной организации редакции «Правды», где был заслушан отчет военного корреспондента Б. Полевого.

— Мне думается, — сказал на собрании Борис Николаевич, — что лучшим мерилком оценки деятельности каждого военного корреспондента является то, как он сумел осветить на страницах газеты те великие события, свидетелем и участником которых он стал на фронте.

Деятельность моя за это время шла по следующим направлениям. Первое, что я считаю наиболее важным, это своевременная передача оперативно-политических статей, в которых я старался рассказать читателям «Правды» о битвах, передать их характер, уловки врага и мастерство нашего командования, наших солдат и офицеров.

Немалое значение в связи со спецификой нашего наступления играли очерки-свидетельства, в которых приходилось писать от первого лица то, что видишь своими глазами. Это было важно, в особенности в условиях нашего фронта, так как и страна и зарубежные читатели чрезвычайно интересовались такими событиями, как форсирование Днепра, Корсунское побоище, картинами уманского разгрома и, наконец, боями на территории Румынии.

Впервые в своей работе я применил и путевой очерк, который дает возможность читателю как бы зрительно вместе с авторами побывать в новых, интересующих его местах, познакомиться с новыми условиями, в которых развертывается наше наступление.

Тут же он сказал несколько слов о партийной работе в прямом смысле этого слова. Военкоры несли партийные поручения. В частности, Б. Полевой делал доклады для офицерских собраний частей, где бывал. Вместе с другими корреспондентами активно писал листовки и редактировал фронтовые политические документы.

В прениях на том собрании выступали многие правдисты. Среди них Вадим Кожевников, Давид Заславский, Иван Золин, Иван Кирюшкин...

Вот выдержки из протокола:

«Борис Полевой является одним из наиболее квалифицированных военных корреспондентов наших газет. Он знает, что именно нужно газете, и поэтому работает почти без брака. Он всегда оказывается там, где интересно. Полевой знает цену времени и умеет сломать все препятствия во имя срочных нужд газеты. Полевому присущ свой стиль — ясная, четкая композиция, хороший, простой язык, легкая фраза, портретные характеристики действующих лиц. Его материалы можно узнать даже без подписи автора. Личные впечатления придают корреспонденциям и очеркам большую убедительность».

В архиве «Правды» сохранилась телеграмма, присланная на имя главного редактора П. Н. Поспелова:

«За образцовое выполнение заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в период Харьковской операции, Ваш военный корреспондент тов. Полевой Борис Николаевич моим приказом войскам 2-го Украинского фронта от 21 октября 1943 года № 070 награжден орденом Отечественной войны I степени.

Командующий войсками 2-го Украинского фронта генерал армии И. Конев».

Военкор описал десятки, сотни подвигов солдат и офицеров, его героями стали рядовые участники боев и крупные военачальники. И

всегда Борис Полевой с благодарностью вспоминает, как много дала ему, как литератору, работа в редакции «Правды».

Вот как сказал об этом он в автобиографии, написанной в ноябре 1950 года:

«Иногда доводится слышать вопрос:

— Наверное, газета очень мешает вашим литературным занятиям? Эта вечная суета, спешка, эта необходимость писать по заданиям редакции, всегда срочно, вне зависимости от настроения и при этом обязательно укладываться в заданное количество строк?»

Он ответил:

— Именно работа в печати открыла мне дорогу в литературу, именно печать помогает мне непрерывно видеть в жизни самое интересное и, самое главное, помогает подмечать новое, поистине коммунистическое в характере наших современников. Как военному корреспонденту «Правды» мне все время приходилось быть на самых важных участках великого фронта, там, где решались судьбы социалистической Родины. Все это дало неоценимый материал».

Всю жизнь Борис Полевой оставался верен ленинской «Правде», сохранив о ней для потомков самые теплые воспоминания. Газета была для него, как и миллионов советских людей, верным спутником жизни. Его воспоминания о «Правде», относящиеся к периоду Великой Отечественной войны и впервые собранные здесь, убедительно говорят о высоком призвании и авторитете главной газеты страны, 70-летие которой отмечается в 1982 году.

Многие записи писателя массовому читателю предложены впервые. Тем интереснее, как нам кажется, было с ними познакомиться.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий ЖУКОВ. Неистовый репортер	3
Борис ПОЛЕВОЙ. Журналисты в шинелях	9
Военные будни	13
Незабываемое	21
Коллеги	26
Два задания	30
Самый памятный репортаж	39
Анатолий САФОНОВ. С удостоверением «Правды»	42

Борис Полевой

С УДОСТОВЕРЕНИЕМ «ПРАВДЫ»

Составитель А. Н. Сафонов.

Редактор Д. К. Иванов.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор 17.02.82. Подписано к печати 10.05.82. А 11601.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,06.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1088. Зак. № 2096. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

В ВАШИХ ИНТЕРЕСАХ, ЧИТАТЕЛИ!

Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета — 25 копеек. Вероятность выигрыша достаточно велика, так как 90% стоимости реализованных билетов идет на выигрыши.

Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета.

Билеты продаются во всех книжных магазинах и киосках на территории РСФСР.

Желаем удачи!

**Дирекция Всероссийской
книжной лотереи.**